

НИКОЛАЙ СЛАДКОВ

ПОЮЩИЙ БАРХАН

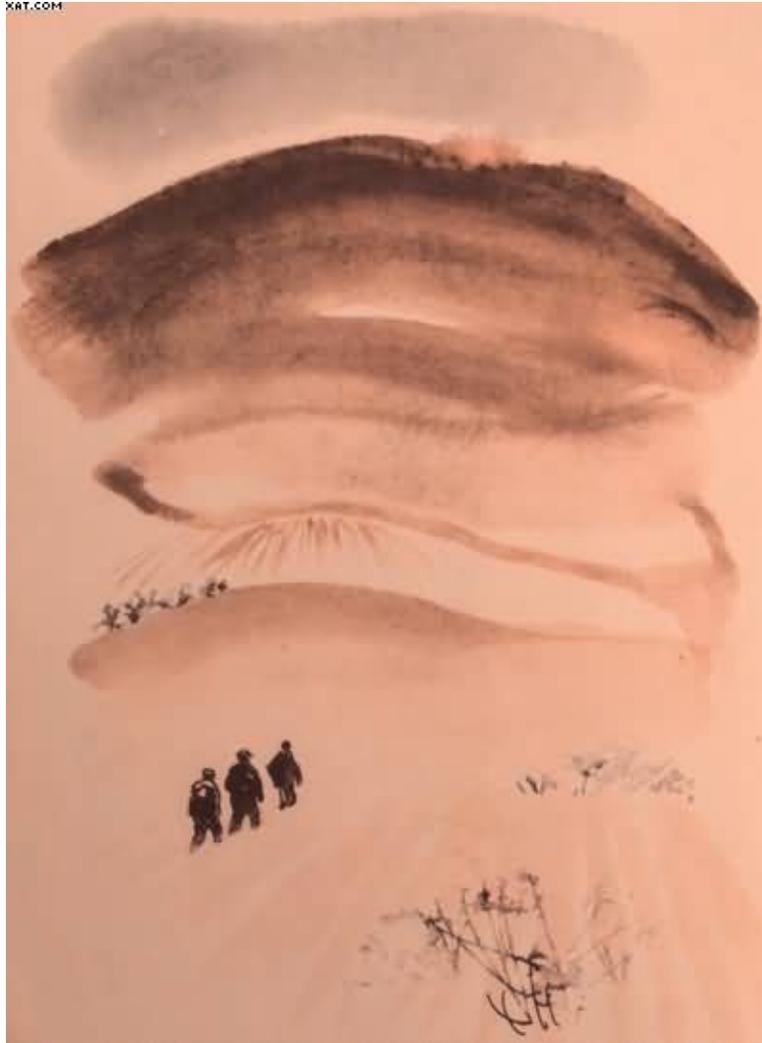

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Annotation

Рассказы о красоте природы: о пустыне, горах, степях и лесах и об их обитателях — зверях и птицах.

- [НИКОЛАЙ СЛАДКОВ](#)
 - [ПОЮЩИЙ БАРХАН](#)
 - [СТРАННЫЙ ЛЕС](#)
 - [ЖИВЫЕ ОГНИ](#)
 - [НОЧНЫЕ ГОЛОСА](#)
 - [ГОЛУБЫЕ ПЕСКИ](#)
 - [СТОРОЖЕВЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ](#)
 - [КРАСНЫЙ КАНЬОН](#)
 - [ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕС](#)
 - [РОЗОВЫЙ МИРАЖ](#)
 - [КОВЫЛЬНАЯ СТЕПЬ](#)
 - [КРАСНЫЕ ДАЛИ](#)
 - [РОЗОВОЕ БОЛОТО](#)
 - [ТАИНСТВЕННОЕ ОЗЕРО](#)
 - [ЛЕБЕДИ](#)
 - [УМИРАЮЩЕЕ ОЗЕРО](#)
 - [СОЛОВЬИНЫЕ ОСТРОВА](#)
 - [СЕРЕБРЯНЫЙ ЛЕС](#)
 - [БАРТОГОЙ](#)
 - [УЩЕЛЬЕ КАМЕННЫХ КОЗЛОВ](#)
 - [НЕБО БЕЗ ЗВЁЗД](#)
 - [ЗАНГЕ-ДЗОР](#)
 - [ДУШИСТЫЙ УРАГАН](#)
 - [ОЗЕРО](#)
 - [ОБЛАКА](#)
 - [БЕГСТВО ЦВЕТОВ](#)
 - [КАМЕННЫЙ УРАГАН](#)
 - [ГРОЗА В ГОРАХ](#)
 - [ПРИВИДЕНИЯ](#)
 - [НА ВЫБОР!](#)
 - [ЗИМНЕЕ ЛЕТО](#)
-

НИКОЛАЙ СЛАДКОВ

ПОЮЩИЙ БАРХАН

Рассказы

Говорят, что природа слепа и бездушна. А она — слепая и бездушная! — творит красоту для глаз и рождает радость в душе. И стоим мы, поражённые нерукотворными творениями её мастеров: Земли. Воды, Ветра и Солнца!

У каждого из нас хранятся в памяти заветные, дорогие сердцу места и картины. Мысленно мы с радостью возвращаемся к ним снова и снова, чтобы снова обрадоваться и удивиться.

Если прижать к уху раковину, услышишь гул моря. Наша память — та же раковина. Чуть вслушайся — и всё далёкое зазвучит и встанет перед глазами во всей своей красоте и первозданности.

ПОЮЩИЙ БАРХАН

Молча вглядывались в горизонт. Солнце печёт, как сквозь увеличительное стекло. Пот разъедает глаза, словно мыло. От резкого блеска слезятся глаза. Сухие и колючие, как песок, пустынные мухи-слезоедки, вечно изнывающие от жажды, лезут в лицо и жадно пьют слёзы и пот. Мы щурим и щурим глаза: слишком много вокруг яркого неба.

На самом краешке горизонта две плоские лиловые горы— как две спящие черепахи. Между ними что-то желтеет. Это таинственный Поющий бархан, похожий издали на египетскую пирамиду. Целая гора сыпучего золотого песка!

Два ветра, сшибаясь у спящих гор, навяли этот жёлтый бархан. Вершина его, как вулкан, курится в синее небо.

Поднимаемся на бархан по острому песчаному гребню. Поднимаемся медленно, шаг за шагом. И кажется, что идём по узкому коньку крутой крыши. Песок то странно поскрипывает под ногами, словно скрипучий снег на морозе, то с шорохом ползёт из-под ног, и ветер тогда целыми пригоршнями швыряет его в глаза.

Больше всего хочется пить. В радужных пятнах перед глазами блестят стеклянные фляги, полные кристальной воды. Сизые грани их запотели от холода и выскользывают из шершавых ладоней. Стынут на горлышке горячие губы.

Но только горячий ветер засвистывает в ушах да на зубах

поскрипывают песчинки. И рыжие космы песчаной позёмки текут и текут по склонам, полируют их, гладят, кидают к вершине тучи песка. И вершина курится, как вулкан.

И вдруг гора охнула и задрожала! В самой утробе её зародился тяжёлый гул: он приближается и растёт, он рвётся наружу. Вот вырвался и навис над равниной: глухой, тревожный и непонятный!

Мы прыгаем с гребня на скат и катимся вниз. Под ногами взбухают жёлтые песчаные волны. Справа и слева, обгоняя нас и дымя, несутся лавины песка. Гора гудит и трясётся. Всем телом ощущаем яростную безудержную дрожь: гора бьётся, как в лихорадке.

Поёт Поющий бархан. Мы сползаем вниз обалдевшие и оглушённые.

И вдруг тишина. Гора умолкла так же внезапно, как и запела. Поднимаемся на ноги и вытряхиваем песок из волос и ушей. Пригоршнями выгребаем его из карманов и «выливаем» из ботинок и сумок. Мы очень довольны. Нам здорово повезло: мы слышали голос духов горы...

Совсем недавно ещё рёв песчаной горы вызывал суеверный страх. Сейчас, конечно, все понимают, что это не грозным «голос пустыни» и не вой «духов горы». Но загадка поющего песка не разгадана до конца до сих пор. Много высказано разных догадок и предположений, но твёрдой разгадки нет.

Снова идём по пустыне, топчем ногами свою же тень. В знойном мареве извиваются стволики саксаула. Далёкие впадины под горами наливаются синевой, как водой. А лиловые вершины далёких гор то вдруг сплющиваются в лепёшку, то вытягиваются столбом, а то совсем отрываются от хребтов и повисают в воздухе, как облака...

Всё ослепительно и неверно.

Снова солнце режет глаза. И снова мухи-слезоедки лезут в лицо. Поющий бархан всё дальше и дальше. И юркие струйки песка вползают в следы позади, всё заравнивают и засыпают.

СТРАННЫЙ ЛЕС

Пустыня — это жёлтое и голубое. Голубое — небо. Жёлтое — пески. Пески всюду: впереди, позади, справа, слева — вокруг. Сколько видит глаз и ещё дальше — за горизонтом.

Земля, насквозь прокалённая солнцем.

Звенящая глина, растрескавшаяся, как торцовая мостовая, — такыр. Топкое болото, засыпанное белой солью, — солончак. Сугробы золотого песка — барханы. И странные саксауловые леса...

Во всяких лесах бывал: в сосновых, еловых, берёзовых. Но впервые вхожу в лес пустыни — саксауловый лес.

Деревца похожи на густые раскидистые кусты. Стволы мутно-серые,

гладкие, как старые кости. Иные кручены-перекручены, словно удавы, окостеневшие в корчах.

Всё тут непривычно для глаза. Лес не зелёный, а какой-то серо-оливковый. Тень под деревьями зыбкая, полупрозрачная, ненадёжная — как под крыльями стрекозы. Да и как ей быть надёжной, если на деревьях... нет листьев! Вместо листьев тонкие зелёные веточки — как тощие хвощинки. И, словно пшеном, усыпаны крохотными жёлтыми цветочками. Лес без шороха листьев...

Под каждым деревом — голое глинистое пятно. Всё оно в дырах и норах как ломоть сыра. В норках живут подземные крысы — песчанки. Стоят как цирковые собачки на цыпочках у своих норок и, вертя усатыми мордочками, по-птичь свистят.

Между деревьями жиденькая травка — осочка. На каждом стебле рыжие плодики — этакие поджаренные воздушные пончики. Наступаешь на них — и они с треском лопаются под ногой, как пистоны.

На деревьях перепархивают трескучие саранчуки: большие, цапучие и колючие. Уцепившись за веточку, долго на ней возятся и раскачиваются. В жёлтых кустиках цветущей эфедры шныряют крохотные пичужки — вертлявые славки. Шуршат, словно мыши, и поводят из стороны в сторону чёрными хвостиками, задорно торчащими вверх.

Я вслушиваюсь в звуки незнакомого леса. Шумят саксаулы, как наши сосны: ветер в них глухо посвистывает и шипит. Но от ветра нет тут прохлады: под деревьями жарче, чем на открытых барханах.

А вот и знакомые звуки — синица поёт! Синица-то синица, да не наша белощёкая и желтогрудая, а пустынная, тусклосерая.

Знакомый стукоток — дятел стучит! Дятел-то дятел, да тоже не наш, а особый дятел — белокрылый.

Знаком и лёгкий топот — поскакал заяц! Но тоже не русак, не беляк, а пустынный заяц-песчаник.

Змея тут живёт эфа. Змея, которая ползает... боком! Яшерица-агама живёт. В самое пекло вползает она на высокий куст и в упор смотрит на солнце. Ящер-варан бродит по лесу вразвалку, высовывая длинный красный язык, словно плюётся огнём.

Тут можно увидеть турнир черепах. Черепахи бодаются, бьют друг друга щитками и резво гоняются одна за другой.

Непонятный лес, диковинные обитатели. Странно шумит на ветру странный лес. Лес, в котором не укроешься ни от жары, ни от ветра. Лес, в котором летом осыпаются... ветки, а зимой вырастают... грибы! Который весной серебристый, словно заиндевельный, похожий издали на клубы сизого дыма. Лес без прохлады, без тени, без листьев. Лес таинственный и молчаливый.

ЖИВЫЕ ОГНИ

Среди ночи выбрался я из палатки и остановился поражённый: ночь цвела огнями! Огнями всех мыслимых цветов и расцветок!

Над головой высоко зелёный листик луны, вокруг него — серебряные брызги росинок-созвездий. Таких ярких, таких налитых, что вот-вот их дрожащее серебро перельётся через край и капнет на землю.

И капает! Тут и там вдруг перечёркивают глубинную черноту неба таинственные капельки падающих метеоритов — успевай только голову поворачивать! Даже чудится, будто, падая, звякают они, расшибаясь о камни ущелья. И тогда вспышки далёких пастушьих костров на склонах представляются искрами, высеченными звездой.

Серебристые деревца узколистого лоха на ветру стоят словно заиндевелые, дрожат и переливаются под луной, как широкие струи фонтанов. Секутся-точат друг друга кинжальчики листьев, трепетные резкие тени мечутся по белым стволам бесшумно и суматошно.

Над чёрными копнами кустов мерцают искорки светляков. То они толкутся и мельтешат, как комары-толкуны, вверх и вниз — вспыхнут-погаснут, вспыхнут-погаснут! — то завьюжат, завихрятся огненной каруселью, сливаясь в сияющие зигзаги и кольца. Точь-в-точь искры над

буйным костром, когда в него тычут палкой!

Глубинным холодным блеском светятся грани чёрных, отполированных ветром скал. Каменистые осыпи между скалами кажутся застывшими сверкающими водопадами. И за каждой сияющей лунным светом былинкой легла чёрная резкая тень.

Широкие перекаты бормочущего ручья словно засыпаны сверкающей чешуёй. Дробятся и скачут там лунные зайчики, кипит и искрится огненная вода. А там, где ручей вдруг резко сужается и вливается в чёрную горловину теснины, таинственно и непонятно светятся серые гнилушки — словно выпученные глаза ночных рыб или лягушек.

А сколько кругом огней совсем не понятных! Что это светится там далеко-далеко — у самого горизонта? Ночная звезда или костёр охотника? Открытая дверца юрты или оконце в палатке? Светильник на одинокой могиле или глаз филина на столбе?

Я включаю фонарь и иду в темноту. Лучик света скользит по песку и щебню. Ба! И на земле звёзды! Зелёные изумруды — целая пригоршня! — восемь штук, Это глаза паука-тарантула. Не пожалела природа на паука глаз — восемь и все светятся. А вот ползут по песку два красных рубина. Это глаза ночной ящерицы — сцинкового геккона. Геккон в зайчике света виляет хвостиком, как собачка, и протирает огненные глаза свои... языком!

Из-за чёрного камня-ларца выкатились вдруг два драгоценных глаза — тускло-розовые, как топазы. И покатались вприскок, словно по ступенькам. Это поскакал перепуганный зайчик-толайчик.

На грани света, чуть повыше кустов полыни, плывут зеленовато-голубые созвездия. То ли огромные летучие светляки, то ли неведомые сверкающие жуки. Ожерелье неоновых переливчатых звёзд. Это чудо — глаза газелей-джейранов...

Я иду и иду. То щебень скрежещет под ногами, то упруго поскрипывает песок. Песок полосатый, как гофрированная крыша из цинка. И по «крыше» лунная струйка течёт... Течёт лениво и не спеша, извивается упруго и нехотя. Это «льётся» удавчик по своим змеиным делам. Ползёт и от луны светится...

Из гущи куста светят глаза непонятные, какие-то неуловимые и неверные. То вдруг нальются тёплым розоватым туманом, то вдруг холодно позеленеют, словно накаляются и остывают. В кустах затаился барханный кот. Посветил он глазами, поиграл красками и вдруг погасил глаза, словно выключил! Значит, всё разглядел, всё понял и ушёл во мглу вкрадчивыми шагами.

И я выключаю фонарь. И сразу же гаснут земные звёзды у ног и

вот. Зато звёзды над головой разгораются всё ярче. Сколько их, звёзд-ночесветок, в бездонной пучине неба! Праздник ночных огней. Звёзды, горящие, как глаза, и глаза, мерцающие, как звёзды...

НОЧНЫЕ ГОЛОСА

Впереди у горизонта темнеет рошица, справа видны скалы-останцы, слева блестит озерко, а позади — солончак. Всё хорошо видно, и днём в таком месте не заблудишься. Но опустилась ночь, и всё сразу исчезло. Теперь садись и жди утра. Так мы и сделали. Сидим, ждём. Темнота,

тишина. Где право, где лево? Где скалы, где озеро? Не видно, куда идти.

Но вдруг, с первым ночным ветерком, пахнуло на нас пряным запахом лоха и долетел далёкий свист соловьев. Значит, роща в той стороне, только теперь она стала от нас слева! Что, если пойти к ней сейчас, наставив нос на запах и наострив ухо на соловья? А здорово бы вот так, не видя, отыскать ночью далёкую рощу по соловьиному свисту!

Но раз роща слева, то солончак должен быть справа. Поворачиваю ухо вправо, прикладываю к уху ладонь. Далёко — далёко стрекочут сверчки. Так и есть, там солончак: сверчки любят селиться у солончаков!

Впереди глухо ухнул филин. Филины в пустыне живут только на скалах. Значит, скалы-останцы впереди. А позади? А позади чуть слышен гогот гусей: кто-то всполошил перелётную стаю на озере. Значит, озеро позади.

И вот опять, как и днём, известно где что. Только днём было видно, а сейчас, ночью, слышно. Можно смело идти, не заблудишься — знай держи ухо остро.

Но идти неохота. До того хорошо сидеть на тёплом песке и слушать голоса ночи. И соловьи, и гуси, и филин, и сверчки — и все сразу! Не часто бывает в пустыне такая роскошь.

ГОЛУБЫЕ ПЕСКИ

Ночью над пустыней: всплывает луна, и пески — до самого горизонта! — становятся вдруг голубыми. Все словно погрузилось в прохладную тень подводья. Заросли саксаула становятся кущами водорослей, а волны барханов — волнами моря.

Легко и прохладно после струящейся белой жары дня. И я ухожу в барханы, оглядываясь на светлое пятнышко своей палатки, утонувшей в дымных кустах.

Тишина. И голубые пески. Нездешний, удивительный мир. Мир далёкой планеты.

Далеко — чуть слышит ухо! — неясные стоны. А рядом, в расплывчатом тёмном кусте, таинственное булканье-тиканье.

Тихий шорох шагов. И чёрные скобки твоих же следов на упругом песке. Голубом песке.

Лениво тянется лунная ночь. Ничего не происходит вокруг: ни звук, ни движение не настораживают и не тревожат. И всё-таки чего-то ждёшь! И

что-то влечёт тебя дальше и дальше. Слишком всё вокруг призрачно и таинственно, чтобы не ждать и не идти.

С бархана на бархан, как с волны на волну. С голубого гребня в тёмный провал — есть ли кто там? Из провала снова на гребень — а что впереди? Всё дальше, всё глубже в сияющее неоновое пространство.

Приставь ладонь к уху — и в ухо тебе тишина. Голубой сон спящей пустыни.

Даже знанию не под силу погубить эту фантастическую красоту. Я знаю, что тикают на кустах гекконы. Стекланные глаза их залиты чёрным зрачком. А постанывает вдалеке козодой. Вчера я осветил одного фонарём, и глаза его загорелись рубинами. А потом глаза мягко взлетели, как искры.

Светятся у ног выбеленные солнцем щитки мёртвых жуков. Такое уж солнце в пустыне: чернит белые камни и отбеливает чёрных жуков. А стрекошет под кустом змея-эфа. Та самая, что ползает боком и показывает красный язык.

Я знаю и всё равно поражён.

Что-то блестит, как вода. Жму ногой — твёрдо. Это такыр, до звона засохшее «озеро» глины, ворсистое от инея соли.

Давно не видно палатки, да и не хочется возвращаться к привычным вещам. Смотрю на голубую землю: сухую, бесплодную, мёртвую и... прекрасную!

Поёт на такыре сверчок — далёкий колокольчик звенит. Как заводная игрушка, шагает по песку чернотелка, катя сбоку свою круглую тень. Задумчиво тикает лупоглазый геккончик: чешуйчатое горло дрожит, а в чёрных глазах сияют луна и голубые пески.

СТОРОЖЕВЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Солнце выжгло пустынные предгорья. А давно ли была тут зелень и ярким лиловым цветом цвёл колючий бурьян.

Сейчас над выжженной землёй нависла раскалённая белая мгла.

Всё обманчиво в этой белёсой мгле. Кустик травы вдруг шевельнётся, да и обернётся лисичкой, поджарой и быстрой. Колючий бурьян выше пояса, а тронешь, и бурьян бесшумно рассыплется в прах.

То видишь озеро, по озеру торопятся беспокойные волны. Ствол одинокого деревца извивается в жарком мареве, будто не деревцо это, а его отражение в беспокойной воде.

Но воды вокруг нет.

Всё сгорело: трава, бурьян, даже цепкие и живучие кусты держидерева. Вокруг камень, пыль, смерть. И миражи.

Вон за каменистым гребешком целые заросли высоких белых цветов! Цветы такие свежие и такие яркие, что кажется, пахнут.

Прикрыв ладонью глаза от нестерпимого блеска солнца, я молча смотрю на чудесный мираж. Сейчас колыхнётся жаркая мгла — и видение растает.

Но нет, цветы не пропадают. На дальнем краю цветочной поляны вдруг звякнул колокольчик. Ему ответил другой. Вот опять.

Звяканье всё ближе.

И впереди этого ползущего к нам глухого непонятного звона один за другим выпархивают хохлатые жаворонки. В панике, с испуганным посвистом вырываются они из белых цветов. Вслед за жаворонками, заложив уши на спину, шарахнулись от цветов два ополоумевших от страха зайчонка и скрылись!

Это уже не мираж!

И жаворонки, и зайчата настоящие. Ишь сколько их собралось сюда в цветы! Видно, в голой-то степи не по вкусу!

А звон всё ближе. И совсем он не страшный: тихий, ласковый и какой-то глухой, костяной. И чего так зайчата и птицы шарахаются от него?

Звон совсем близко. Вот дрогнули крайние цветы, и звон оборвался. Из зарослей медленно вылилось длинное тело змеи.

Полоз!

Полоз потянулся вверх, поднял голову выше цветов и стал смотреть в ту сторону, куда улетели жаворонки и ускакали зайчата.

Я шевельнулся. Змея медленно повернула голову в мою сторону, облизала сухие чешуйчатые губы раздвоенным языком и, повернувшись, лениво уползла обратно в бурьян.

И опять я услышал — теперь удаляющийся — звон, будто цветы были костяные, а их сталкивала друг с другом быстрая струйка ветра.

Как зачарованным, слушал я этот непонятный звон. Мираж и действительность — всё перепуталось?

Опомнился я только тогда, когда звон стих — там, на дальнем конце лощины. Только после этого спустился я к необыкновенным цветам.

Цветы и вправду оказались необыкновенными. Высокие стебли засохшей травы были густо облеплены ракушками. Тысячи улиток с белыми раковинами вползли на них, приклеились и повисли белыми гирляндами. От жары они впали в летнюю спячку.

Тронешь такой цветок — ракушки ударятся друг о друга и звякнут. Полз полз, задевал сухие стебли — и над ним звякали костяные колокольчики. Звенели нестрашно, глухо, но зайчата и птицы знали: страшный приближается враг,

Всё стало ясно.

В голой степи, в жарком мареве сейчас всё неверно. Виден куст, а это лиса. Жаркий ветер шуршит по сухой земле, а может, змея тянет своё тело?

Зайчата с ног сбились, спят с открытыми глазами. Жаворонки на землю боятся присесть.

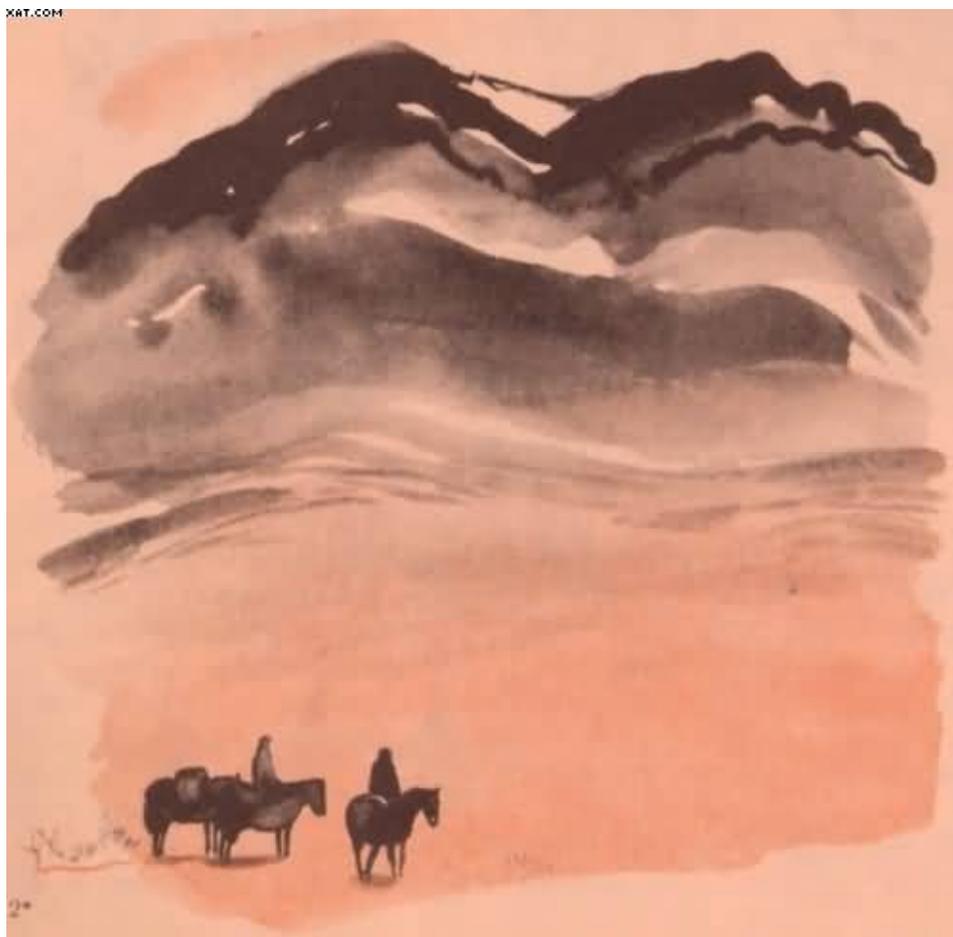
Вот и собрались они сюда, в сухой бурьян, увешанный ракушками.

Тут уж никто неслышно к ним не подтаится. Тут без обмана: только хищник спустился в лощину, тотчас зазвонят сторожевые колокольчики.

Улетайте, жаворонки! Удирайте, зайчата! Враг рядом!

КРАСНЫЙ КАНЬОН

Щебнистая пустыня похожа на гигантский, позеленевший от времени медный щит.

На краю пустыни — ржавые шлемы древних воинов. Между пустыней и горами — щитом и шлемами! треснула и разверзлась земля, открыв взору глубокий красный каньон. Смотришь вниз — кружится голова.

Глубоко-глубоко, по самому дну каньона, плавные извивы ручья. В нём давно уже нет воды: дно, как сухая дорога, засыпано гравием и песком.

Шагаем по сухому дну, и щебень скрипит под ногами. По сторонам — высоченные красные стены.словно скалы, раскалённые докрасна. А над ними — высоко, высоко! — узкая лента неба, и в небе, раскалённом добела, чёрная точка, гриф.

Каньон до краёв налит зноем. От красных стен пышет жаром. То тут, то там что-то сыплется и шуршит. Это лопаются от жары камни и трескаются глыбы глины. И от шорохов этих тревожно и беспокойно. Всё время кажется, что кто-то за тобой крадётся или ползёт...

Кто-то следит за тобой невидимо, смотрит в спину, подглядывает из-за угла. Кто-то шепчется в нишах и гротах, выглядывает из бойниц и окошек. Кто-то прячется за выступами и углами.

И не хочется говорить громко и всё время хочется обернуться...

Каньон похож на разрушенный и покинутый город. Вот крепостная стена: видны ниши-бойницы. Вот просто стены домов: окна, двери, ступени. Вот замки с готическими пирамидками, башенками, шпилями. Купола церквей и соборов. Защитные рвы и валы. Воздетые руки

разведённых мостов.

Вода и ветер творят тут нерукотворна. Слепая природа создаёт красоту...

В каньоне живут только те, кто обходится без воды.

В тени кустика притаилась стрела-змея. Она дразнится языком и покачивает изящной головкой с большими и круглыми глазами птицы. Страшные истории рассказывают про эту змею. Будто она может прыгнуть и пронзить человека насквозь. Змея и впрямь на стрелу похожа: тонка и стройна, стремительна и грациозна. Но опасна она только для ящериц.

Сухо трещат цикады: жара от этого кажется ещё страшней. Разморённый заяц вразвалку проковылял в тень.

Вечером над каньоном засвистывал ветер. Косматые тучи, сверкая и громохвая, выползли из-за гор. Видно было, как жаждет земля воды: остыть, пропитаться, омыться!

Хлынул дождик и... куда-то исчез! Он высох от жары, не долетев до земли, испарился от горячего ветра! Шёл «сухой дождь», который бывает только в пустыне.

Зато какая радуга опустилась в каньон! Какие вдруг высветила она в нём купола, пагоды, колокольни и минареты! Как зловеще зачернели провалы, пещеры и гроты. Какие выступили колонны, резные фигуры и силуэты. Багровые занавесы из камня повисли между колонн. Это были уже не просто развалины древнего города: сказочное горное царство возникло у нас на глазах.

Но туча надвинулась на горизонт, потухли солнце и радуга, и сказочный город канул в темноту...

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕС

На крайнем нашем юге есть горная страна — Тальш. В горах Тальша живут удивительные каменные дрозды, водяные воробьи и лягушки-древесницы. И растёт железное дерево. Не одно дерево — целый лес железных деревьев. Железный лес.

Такого леса нигде больше нет. Стволы деревьев похожи на древние каменные колонны, изборождённые временем, размытые ливнями и выщербленные вихрями. Какие-то корявые пещерные сталактиты и сталагмиты. Твёрдо-каменные, несокрушимые: стукни — и загудят под обухом. В простом лесу прислонись хоть к самому толстому дубу — и он, хоть немножко, а покачивается на ветру. Будто дышит. А железное дерево неподвижно, словно неживое оно, окаменевшее. И сучья его неподвижны. Они раскорячены, изогнуты, перекручены. Переплелись, как железное кружево, как отлитая из железа фигурная решётка. Упираются друг в друга, срастаются, прикипают один к другому, свариваются между собой. Всё в разводах и пятнах, словно не лишайники их испятнили, а разъела цветистая ржавчина. И свисают с них крючковатые концы колючей проволоки — пряди тонкой жёсткой лианы.

Сучки загибаются и вырастают в стволы. Ну точь-в-точь изогнутые ручки у кувшинов и ваз. Или железные скобы...

И листья на ветках жёсткие, словно вырезанные из зелёной жести. И ветер в них не шелестит, не шуршит, а позванивает, А если дождь хлынет — как по жестяной крыше стучит! И солнечные блики-зайчики в тёмных кронах резки и неожиданны, словно ослепительные вспышки электросварки.

Сумрачно и голо под пологом железного леса. Ни трав, ни цветов, ни курчавых кустов. Голая пустая земля, выложенная мозаикой старых опавших листьев. Пятна света — цветными овалами и кругами, будто и не земля это вовсе, а кафельный пол из лиловых, жёлтых и голубых плиток.

Тихо и пусто в железном лесу. Не залетают в него ни каменные дрозды, ни воробьи водяные, не живут лягушки-древесницы. Даже стука дятлов не слышно. Боятся, наверное, дятлы носы о дерево затупить. Ещё бы: такое дерево не каждый топор возьмёт! А щепки от дерева тонут в воде, словно камни.

Хмурый и сумрачный лес. Железный.

РОЗОВЫЙ МИРАЖ

Сколько глазам видно — розовая равнина. Яркая, как небо, необъятная, как море. Розовое море в белоснежных берегах! Конечно же, это мираж.

Просто мы обалдели от солнца, просто голова кружится от жары — вот и кажется!

Щурясь от нестерпимого блеска, мы из-под ладоней смотрим на чудо. Равнина пышет в лицо жаром. Цедим воздух сквозь зубы, как обжигающий кипяток.

Дует горячий ветер, но розовое море не морщат волны. Не вспыхивают блики солнца на розовых гребешках. Даже небо не отражается в этом море; наоборот, кажется, что эта розовая гладь отражается в небе. И небо от этого и всё вокруг стало розовым. Всё растворилось, плывёт и колыхается в розовом сиянии. И только по белым призрачным берегам, шипя и

покачиваясь, несутся смерчи-вихри, похожие на белые привидения..

Что за странный мираж! Всё впереди неверно, загадочно и непонятно. Дали дрожат, плывут и струятся. Кисельное море, молочные берега...

Какие-то сказочные птицы плывут над головой. Похожи на длинные палки с крыльями посредине. Палки белые, крылья красные, как будто палки летят и горят!

Но ведь это уже не кажется, это же настоящие розовые фламинго! Вытянуты вперёд шеи, вытянуты назад длинные ноги, вспыхивают посредине красные крылья. Неужто и всё вокруг настоящее?

С тихим гоготом пролетают розовые птицы над головами и сразу же растворяются в розовом мареве. Голоса их ещё слышны, а самих уже невидно над розовым озером. Вот где — на их родине! — начинаешь понимать, почему фламинго такого яркого цвета: цвет-то их яркий тут еле заметен!

Я шагаю с белого берега в розовую воду, но нога упирается во что-то твёрдое и хрустящее! Сапог продавил розовую корочку как наст, как тонкий ледок. А из пролома на светлую гладь выплеснулась чёрная жижа...

Нет. впереди не мираж. Впереди равнина, покрытая коркой соли. Видно, совсем недавно было тут солёное озеро. Вода ещё и сейчас сохранилась, но где-то там, за горизонтом; туда и тянут фламинго. А мелководье иссушила жара: вместо воды легла на дно корка соли. А под коркой, как подо льдом, чёрный вонючий ил.

Я ломаю нежную розовую корку, и чёрная жижа под ней чавкает, булькает и сопит. Ноги вязнут всё глубже и глубже...

Обманчив, как мираж, этот манящий розовый свет. Чёрная трясина подстерегает неосторожного путника.

Скорее на берег, присыпанный сухой белой солью. От нестерпимого блеска ломит глаза. Губы солёные и шершавые. Со всех сторон несётся гогот птиц-невидимок. С шипением, покачивая белыми лебедиными шеями, ползают по берегам смерчи-вихри. И соляная позёмка струится у ног.

КОВЫЛЬНАЯ СТЕПЬ

Пучок ковыля похож на страусиное перо и на пушистый султанчик лоснящегося капрона. Летом все эти метёлки, султанчики, перья поднимутся, загустеют, посеребрят землю от горизонта до горизонта — заволнуется ковыльная степь, как беспокойное море ртути.

Покатятся по морю горбатые волны с перламутровыми переливами, с яркими взблесками на гребешках и с голубиными тенями во впадинах. Задробится на волнах жемчужная рябь, заструится и потечёт горячая степь куда-то за горизонт...

Ковыли клонятся, стелются, мечутся. Бьются, шарахаются, дрожат. Ковыли шипят, шелестят и шепчутся. А ветер, как беркут, падает на распахнутых крыльях, засвистывая раздольно и лихо. И влажнеют глаза от нетронутости и первозданности, и сердце мрёт от свободы и необъятности.

В струях ветра — высоко, высоко! — величаво кружат степные орлы.

А над самыми ковылями, словно чайки над волнами, проплывают седые степные луны.

От степи глаз не отвести. Тёмные степные холмы и увалы представляются грозными морскими валами в белой пене бьющихся ковылей. Вспархивают на гребнях и взлобках жаворонки, просвечивают на солнце их крылышки, и кажутся они не птицами, а брызгами воды и пены.

Белые громады кучевых облаков над степью висят неподвижно и тяжело, как снежные горы. И под каждым таким облаком на земле пятно густой тени — словно под каждым облаком лежит тёмное степное озеро.

А то вдруг покажется серебристая степь голой снежной равниной, и будто позёмка по ней метёт, завивает и стелется. А когда в просветы облаков хлынут вниз голубые водопады солнечных лучей и тут и там ложатся на степь сияющие солнечные овалы.

Ранним утром, на восходе, ковыли словно лунная рябь на воде: степь трепещет, дробится и взблескивает. В полдень она как неоглядное стадо курчавых овец; и будто бы овцы жмутся друг к другу, дробно топчут и нескончаемо текут и текут к краю земли. И белые шелковистые спины их переливаются и толкуются, как беспокойные округлые волны.

Но чудо чудное — ковыли на закате! Клонятся переливчатые пушистые метёлки навстречу закатному солнцу, как розовые языки холодного призрачного огня. На каждом взлобке, на каждом бугре плещет летучий огонь — бесшумный, яростный и блестящий. И пока не утонет за землёй солнце, по всей степи будут метаться и сверкать эти льдистые вспышки, бегучие блики да отсветы, становясь всё призрачней и багровей. А когда солнце расплющится на горизонте — вся ковыльная степь станет красной.

Потом над степью всплывёт луна — как пузырь из воды! — и стога ковыльного сена засветятся оловянным панцирем инея и гололёда...

Хороша ковыльная степь и ночью и днём.

КРАСНЫЕ ДАЛИ

Вокруг покраснели дали! Появились яркие красные полосы у самых гор — непонятные и неожиданные. Будто красная заря из-за гор пролилась к их подножию. Будто кто-то толстым красным карандашом отчеркнул синие горы от жёлтых песков.

Нет, конечно же, не заря. И не россыпи алых камней. И не далёкий степной пожар. Может, радуга по горизонту: жёлтое, красное, синее? Или зыбкий мираж, обманывающий и манящий?

Глухо топчут копыта коней, плюхая в пухлую пыль. Всё уже полоса жёлтых песков, всё гуще синева дальних гор. всё шире, всё ярче, всё ближе, всё необузданней красная полоса. Ближе и ближе радуга из песка, синих гор и... красных маков!

Маки, живые маки! Их видимо-невидимо. Они обступают со всех сторон, как разливы красной реки. Они трепещут и взблескивают, словно рябь на воде. Они качаются на ветру, как пламя невиданного пожара. От них рябит в глазах и кружится голова.

По сторонам вздымаются красные от маков холмы — волны багряного моря. Волны накатываются в посвистах ветра, на гребнях вскипают брызги огненных лепестков огня. Вот-вот волны нас захлестнут, опрокинут, и мы утонем в буйном неистовстве красного цвета!

Земля под ногами горит от цветов. Полыхают красные дали. Степные луны, словно чайки, скользят над красными волнами, Серые их крылья просвечивают розоватым. Красные жуки на маках жуют красные лепестки. Вороньи кони сгибают потные шеи, и в чёрных выпуклых их глазах мечутся огненные зигзаги.

Порозовели белые облака. Даже синее небо подёрнулось розовой дымкой. Стоим растерянные и восхищённые. Цветы и цветы — без конца и без края! Неистовое буйство красного цвета. Кипучая лава цветов.

РОЗОВОЕ БОЛОТО

Само слово «болото» уже не радует. Что-то чавкающее, мокрое, грязное. Ни присесть, ни прилечь. Хлюпь и зыбь под ногами. Жара и одуряющий запах. Рои назойливой и липкой мошкары над головой.

Но бывают болота другие — неправдоподобной, удивительной красоты. Вот такие, о каком я сейчас расскажу.

Ночью я с трудом продирался по раскисшей чмокающей тропе сквозь кусты и тростник. Хлябь становилась всё жиже и глубже. Чёрной нефтью заблестела открытая вода. Дальше ночью идти было нельзя. Я прислонился спиной к коряжистой иве, шатром окунувшей плакучие ветви в чёрную воду, и задремал. Можно и стоя спать, если только чуть-чуть приспособиться.

Проснулся я от теплоты на лице и какого-то сияния под закрытыми веками. Значит, поднялось солнце. Я открыл глаза и тихонечко охнул!

Ясные солнечные лучи высветили каждый листик, всё стало ярким, резким, гранёным. А над синей водой на стройных ножках-стеблях стояли зелёные чаши из малахита, и в чашах лежали розовые бутоны. Розовые бутоны, каждый в два кулака!

Может быть, я всё ещё сплю?

Солнце коснулось чаш-лопухов и немыслимо нежных бутонов.

Бутоны проснулись и зашевелились. Наружные белые лепестки — каждый в ладонь! — раскрылись, показав солнцу красную сердцевину цветка-лотоса. Словно белые нежные ладони, осторожно и ласково грели на солнце прозябшие за ночь цветы, словно каждый лотос, воздев в небо тонкие руки, протягивал к солнцу свою красоту.

Медленно двигалось в небе солнце, и, словно зачарованные, словно во сне, поворачивались за ним и цветы лотосов. Зелёные чаши огромных листьев, как антенны локаторов, тоже поворачивались за солнцем, ловя его ласкающие лучи. И тяжёлые капли росы внутри них, словно лужицы ртути, тяжело колыхались и матово посверкивали своими закруглёнными краями.

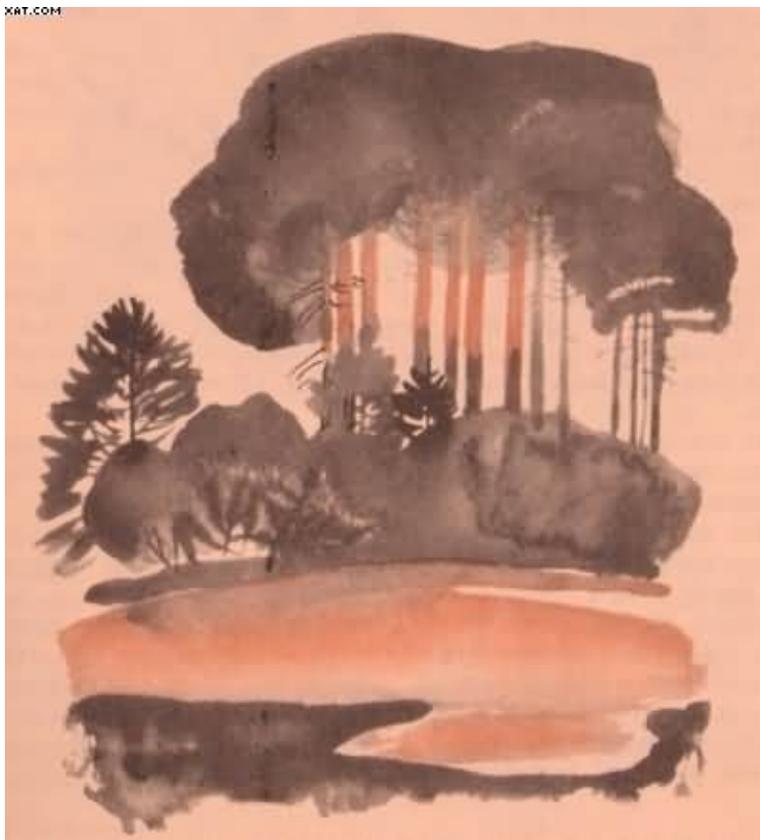
Чуть видный розовый пар курился над лотосовым болотом.

Медленно, словно во сне, махая белоснежными крыльями, пролетела немыслимая белая цапля. Крылья её, пронзённые солнцем, вдруг вспыхнули и запылали.

Потянул ветерок, сморщил воду, озорно растолкал цветы. Всё огромное розовое болото зашевелилось, засуетилось, залопотало — проснулось. Очнулся и я.

Настырный комар гнусил прямо в ухо. Из-под ног, покачиваясь и переливаясь, всплывали болотные пузыри и высывались из воды, как глаза лягушки. Да это же сон — вокруг и под ногами болото. Но какое болото!

ТАИНСТВЕННОЕ ОЗЕРО

Озеро это красивое и большое. Называется оно — Городно. На нём много островов, полуостровов и заливов. А сколько разных мысов! Окунёвый мыс, Долгий мыс, Перевозный мыс и даже Собачий.

Городно — капризное озеро. То тишь да гладь, и тогда все его острова и полуострова как бы повисают в млеющей дымке, отражаясь в зеркальной воде. То вдруг почернеет, взъярится, оскалится белыми гребешками, раскачает волну — и давай бухать в берега.

Хороши у озера берега: песчаные, каменистые, травяные. На берегах звонкие мачтовые сосны с зелёными парусами вершин.

Но главная прелесть озера в его — таинственной необычности...

Странные события происходят на нём. Однажды вдруг все мысы его стали вытягиваться и подниматься из воды! Дальше — больше. За мысами стали расти острова. Они соединялись между собой, потом соединялись с берегом и превращались в полуострова. Тут и там из воды, словно спины гигантских тюленей, стали всплывать новые острова, до этого никем не виданные.

Неудержимо стали расти пляжи. Самый большой пляж — Белые лески — был шириною в десять шагов. И вдруг стал в 20, потом в 30, 40 шагов! Изумлённые купальщики сперва радовались, а потом испугались: пляж вырос в десять раз и стал шириной в сто шагов!

А заливы стали исчезать. Там, где недавно кипели волны, стало вдруг сухо. Где плескались щуки и окуни, теперь бегали птицы и порхали бабочки.

У деревни осохли мостки и причал. За водой для банек, некогда стоявших у самой воды, теперь приходилось бегать с вёдрами далеко. Вода уходила из озера, как из дырявой лоханки!

Уходила, уходила — да и ушла! От озера в девять километров осталась лужа метров на сто.

Обнажённое дно стало сохнуть и трескаться, словно торцовая мостовая. На другое лето всё дно заросло травой — превратилось в луг. На дне озера стали пасти лошадей, коров. Ещё через лето косари косили на дне траву. Посеяли на дне овёс. Превратилось озеро в поле. Накатали по дну дороги. Натоптали тропинки. По ним запылили телеги со снопами и сеном...

И стали уже забывать, что не так-то уж и давно над этими полями овса и пыльными дорогами качались челны рыбаков...

Но озеро напомнило о себе. Маленькая, но глубокая лужа, что осталась от озера, как-то однажды вздулась, перелилась через край и поползла на берега! «Яма рыгнула», — так называют это местные жители. Впадающие в лужу ручьи вдруг повернули вспять. Стали тонуть луга; странно было видеть ромашки и колокольчики... под водой! И уже не бабочки порхали над ними, а серебристые рыбки. Тонуло жнивье — жители торопливо увозили с полей снопы. Утонули дороги. Утонули шалаши и копны сена. Горки снова превратились в острова. Полуострова отделялись от берега. Снова появились заливы. Мыски укорачивали носки, а пляжи сужались на глазах. Снова из края в край покатались по озеру синие волны, и над утонувшими дорогами и полями снова закачались челны.

А яма неистовствовала, яма гнала и гнала воду — «рыгала»! Гнала с такой же яростью, как когда-то её всасывала.

Вода подошла к порогам изб. Баньки очутились в воде. В баню приходилось теперь ездить на лодке, нагружая её дровами, тазами и вениками.

За долгую историю озера так бывало не раз. Вода то куда-то уходит, то откуда-то наливается. И вместе с водой, по неведомым подземным ходам и тоннелям, уходит и приходит рыба. И всё это через одну дыру в дне, «яму», как говорят местные жители, или «понор», «прорву», как говорят краеведы.

Ни один человек ещё не видел понора озера Городно. Ни один аквалангист не стоял на краю этой чёрной ямы. Никто не знает, куда ведут и где выходят наружу подземные карстовые ходы. И куда время от времени исчезает на год, на два, на три года огромное озеро вместе со своей рыбой?

Туман лёг на воду. Не видно ни островов, ни берегов. Кричат в тумане гнусавые чайки. Туман. Тишина. И тайна...

ЛЕБЕДИ

Лебеди раздражённо кивали головами: они сердились, что на них смотрел человек, то были лебеди-кликуны, белые, как морская пена, с тонкими строгими шеями и литыми из золота клювами.

Тут и там в небе белые косяки: напряжённо вытянутые шеи, мерные взмахи крыльев.

С неба, с воды, со льдин звучат неумолчные лебединые голоса. В них тонет всё: звон торопливых утиных крыльев, ленивый гогот гусей, заунывные посвисты кроншнепов и радостные взвизги чибисов.

Несколько лебедей сплылись клюв в клюв, потом разом вытянули шеи вверх, раскрыли клювы и затрубили. Хлещут белые крылья, взбивая кипучую пену, всплескивая каскады воды. Огромная кувшинка-лилия на воде из белых тел — лепестков я тонких шей — тычинок! Это знаменитый танец лебедей и лебединая песня.

Так лебеди встречают весну.

Где же этот край непуганых птиц: в далёкой тундре или на берегах Ледовитого океана? Да нет, пока это ещё можно увидеть на... конечной трамвайной остановке города Ленинграда!

Есть там болотце, прильнувшее к берегу Финского залива.

Каждую весну останавливаются на болотце для отдыха стаи уток и лебедей. Так было испокон веков, так есть и сейчас. И как бы хотелось, чтобы это осталось и в будущем. Ведь нет больше на земле городов, где бы дикие лебеди встречались на конечной остановке трамвая. Да и на всей-то земле осталось лебедей не так-то уж много.

Да и не в том только дело. Что сможет заменить зелёное болотце с белыми лебедями? Не павильон же смеха с кривым зеркалом или площадка для бега в мешках, которые тут хотят выстроить?

На берегу — на краю земли! — можно сидеть часами. Волны воды и ветра. То потянет теплом и водорослевой прелью, то пахнёт пронзительной свежестью синей воды. Блѣклый, захламлённый берег, унылая быль у ног и рядом — перед глазами! — синяя сказка с белыми льдинами и белыми птицами.

Медленные вереницы сказочных птиц с изогнутыми шеями плывут вдоль лазоревой кромки льда. Медленные косяки тянут вдоль сизого бока белого облака. С воды и с неба далекими колоколами плывут лебединые клики. Клики кликунов-лебедей.

Лебеди лежат и стоят на льдинах. Или бегут по воде, натужно устремив вперёд шею и звучно шлёпая широкими чёрными лапами.

Взлетев, плывут над водой, плавно загребая под себя струи ветра. И крылья их поскрипывают, как на шарнирах. А то с лёту плюхаются на волны, воздев крылья как руки и буруня воду крутой белой грудью.

Потягиваются, охорашиваются, перебирают перья. Смотрят на своё отражение.

Почему на этих птиц можно смотреть часами? Не задерживается же глаз на вздорных, крикливых утках, суетливо снующих тут же?

Есть в этих величавых и медлительных птицах что-то такое, что заставляет всех — от мала до велика! — поднимать лицо в небо: «Смотрите, летят лебеди!» И долго-долго провожать их глазами.

УМИРАЮЩЕЕ ОЗЕРО

Мох колыхался под ногами, как пружинный матрас. Видно было, как подо мхом кругами расплывались волны. Покачивались кривые и хилые сосенки, странно шевелились кочки с багульником.

Когда-то тут было озеро. Оно и сейчас тут, только сверху застелено моховым ковром. В ковре тут и там дыры — «окна». Вода в этих окнах — черным стеклом. Подойти к окнам почти невозможно: моховая сплавина прогибается под ногами и тонет...

Я лёг на живот, растопырил широко руки и ноги — распластался как мог — и пополз, Дополз до окна, надел на лицо маску, вдохнул через трубку свежего воздуха и, как тюлень в полынью, соскользнул в окно вниз головой. День сразу померк — и наступила ночь. Я опускался в глубину, и яркое окно надо мной становилось всё уже и уже.

Вот и дно — холодное и вязкое, как кисель. Я по пояс, утонул в нём, а

под ногами всё ещё какая-то жидкая каша.

Высоко над головой — чёрный мохнатый меховой потолок с голубыми дырами. В каждую дыру врывается свет и, голубой колонной упирается в дно. И кажется, что вся эта мохнатая чёрная крыша держится на голубых колоннах...

На одном вдохе под водой долго не просидишь. Я рванулся вверх и высунулся в соседнее оконце. Это было даже не оконце, а скорее форточка: только-только протиснуть плечи и голову. Я протиснулся в неё снизу, и лягушки, сидевшие вокруг форточки, в ужасе запрыгали в разные стороны.

И мне было жутко торчать в моховой дыре, свесив ноги в тёмную глубину. И хотелось скорее выбраться на сплавину — к свету и солнцу. Но уж очень был заманчив этот мир под ногами. Чёрный подводный мир на голубых прозрачных столбах и колоннах...

Я отдышался, поглубже вздохнул и, оттолкнувшись руками, ушел вниз. И снова меня обволокла темнота. И снова тут и там голубели призрачные колонны. Какие-то лохмотья пучками мочалок свисали с мохового потолка и волочились по голой спине. Я плыл к соседнему столбу света.

Будто луч прожектора бьёт сверху вниз. И в синем свете, как снежные хлопья вокруг фонаря, порхают блестящие рыбки. Подплываю к голубому лучу, тяну вперёд руку, кажется, что его можно потрогать, погладить. А если постучать по нему, то он зазвенит...

Но рука легко проваливается в луч и сразу же вся синееет. И по телу побежали мурашки. Это рыбёшки набросились на меня, как комары, и стали щипать и щекотать кожу мягкими холодными губами. Они щекотали мне бока, руки и ноги, но мне было совсем не смешно: ведь делали-то они это от голода...

Озеро умирало. Раньше моховой потолок не закрывал небо, солнечный свет лился на дно каскадами. Зеленели водоросли, бурлила жизнь, и рыбы были сыты и веселы.

Сейчас только узкие лучики пробивались сквозь потолок. В их тусклом свете шевелились на дне хилые водоросельки, похожие на картофельные ростки, проросшие в погребе. Озеро умирало, и вместе с ним должны были умереть рыбы.

Я плыл, а рыбёшки тянулись за мной и всё щипали и щипали тело холодными жадными губами...

Говорят, что в торфяных озёрах бывает двойное дно. Будто бы в верхнем торфяном дне есть дыры, через которые можно проникнуть ещё глубже, в самый «подвал» озера. И только там уж настоящее дно.

Вот бы заглянуть и туда!

Я скольжу над самым дном, вглядываюсь в каждую впадину, в каждую тень, но чёрных дыр на дне нет.

Может, и к лучшему: лезть в них совсем неохота. Тянет к свету, тянет наверх.

К самому лицу подплывают две рыбы и смотрят в упор золотыми, по-рыбьи спокойными глазами. Толстые губы их тихо шевелятся: то ли они что-то прожёвывают, то ли о чём-то шепчут. Уж они-то всё знают про свой чёрный мир на синих столбах. Знают и про двойное дно. А может, они просто просят о помощи?

Ведь скоро толстые световые колонны, которые ещё подпирают их тёмный мирок, превратятся в тонкие лучики. И жизнь озера повиснет на этих голубых волосках. И может быть, я последний, кто всё это видит...

Потом сплавина сомкнётся — и всё будет кончено. И только пружинная зыбкость мохового ковра под ногами случайного путника, да странные поклоны искривлённых сосенок, да непонятное вздрагивание и покачивание моховых кочек напомнит о похороненном здесь озере.

СОЛОВЬИНЫЕ ОСТРОВА

Река течёт сквозь пустыню. Я плыву по реке. Ночь. Медленная тишина. Медленная, тягучая, но не мёртвая. Да в природе и не бывает тишины мёртвой. То всплеск, то шорох, то глухой вздох — ухнул подмытый берег.

Необъятное звёздное небо: нет небу предела, а звёздам числа.

Звёзды летят. Не падают, а летят куда-то мимо земли, размашисто перечёркивая небосклон. И гаснут беззвучно.

Но вот звук новый: не шорох, не всплеск и не вздох. Далеко-далеко впереди слышится соловей. Даже ещё не слышится, а непонятно как чувствуется: то ли по-особому пружинит воздух, то ли вздрагивает вода. Да, конечно, поёт! Теперь уже слышно и ухом: поёт. Самый громкий соловей на речном острове впереди. А вот и второй!

Острова в темноте ещё и не видно, а соловьи гремят. Их там десятки.

Меня несёт прямо на соловьиный хор, неистовствующий между звёздами реки и неба. Нет, это не хор. Здесь каждый солист. Это состязание, фестиваль лучших певцов. Кто кого. Каждый поёт за себя, никто никому не подпевает. Каждый старается как умеет. Всяк добавляет своё. А каково вместе гремят!

Невидимый хор, невидимый остров. Как гибкий хлыст хлещут свисты воду и воздух: резкие, чистые, звонкие. Полные уши свистов, трелей, раскатов, чоканья, бульканья, теньканья и дробей.

Остров надвигается сгустком непроглядной взлохмаченной темноты. Упругое течение раздваивается перед ним, и отклонившаяся струя воды волочит меня сбоку: остров проносится над головой, как огромный пароход с потушенными огнями, оглушив свистами соловьев. Но вот он уже позади, уже не виден, но ещё хорошо слышен. Потом стихает соловей самый слабый, вот уже и средних не различить, но ещё долго-долго слышится запевала — чемпион соловьиного состязания. Тот самый, наверное, которого я первым услышал. И теперь слышу последним.

Но умолкает и он. И только влажная кожа лица ещё ощущает как-то его звонкие свисты по упругим толчкам холодного воздуха. А когда стало неощутимым и это дрожанье эфира, то снова впереди, из такого же изрешечённого звёздами далёка, послышался другой соловей — солист соседнего острова. И скоро гремит новый хор, и новый остров надвигается как ночной пароход с потушенными огнями, но с включёнными на полную мощность микрофонами, приёмниками и радиолами. И какими!

Ночная река быстро несёт. Уплывает один остров — другой приближается. Один за другим — медленной певучей цепочкой. Иные острова так близко один от другого, что сразу оба слышны. И тогда соревнуется остров с островом: кто кого?

Есть, наверное, среди островов этой реки самый звонкий, самый певучий. И есть, конечно же, самый слабенький и захудалый. Но это на чуткий и строгий слух соловьев. А на мой все они хороши. Незабываемы.

Но долго ли продержатся эти соловьиные острова? И что их заменит нашим потомкам? Пожалуй, ничто. И, уж конечно, не пароходные радиолы, приёмники и микрофоны, включённые на полную мощность.

СЕРЕБРЯНЫЙ ЛЕС

Для нас, северян, привычны леса зелёные. Тёмно-зелёные — хвойные и светло-зелёные — лиственные. А этот южный лес был розово-серебристый, ни на что привычное не похожий.

Седые раскидистые деревья кажутся заиндевелыми, покрытыми сизым инеем. Под ними — нежно-розовые кусты. Они похожи на копны лёгкого розоватого пуха. Кажется, дунь — и всё улетит! А какая у этого леса опушка! Понизу розовая полоса, над ней полоса седая, И над всем этим розово-сизым яркое синее небо.

Седые деревья — это деревья джиды. Или, как их ещё называют, деревья серебристого лоха. Они похожи на нашу плакучую иву: ветви обвисли густыми прядями, листья длинные, узкие, серебристые — как серые рыбки. На ветках жёлтенькие цветочки. Их очень много, но они крохотные, почти незаметные. Зато запах их слышен издалека. Запах

совсем особый: кто хоть раз вдохнул его — никогда уже не забудет. Как вспомнит серебряный лес — так сразу ощутит этот запах.

Кусты, — похожие на копны розоватого пуха, — это кусты тамариска. Розовые с ног и до головы: от стволиков до кончиков веток. Сравните их с чем хотите: с розовым инеем, с розовым пухом, с розовой пеной из розовых пузырьков. Пчёлы гудят в нагретых ветвях, варят розовое варенье...

У невиданного леса и название неслыханное — тугай. Ни бор, ни тайга, ни дубрава, ни роща, а таинственное — тугай.

Тугай пропитался красками юга. Яркие бабочки, яркие птицы, яркие цветы и травы. На солнечные тропинки из тенистых зарослей по утрам выходят фазаны. Перо их багрово вспыхивает и переливается. Это живые жар-птицы. Когда они взлетают, кажется, вспыхивает фейерверк!

На серых сухих сучках любят сидеть щурки. Птички совершенно тропического облика и окраски. Лазоревые грудки, жёлтые горлышки, золотистые спинки. И красные — как рубины! — глаза. Когда они проносятся над кустами розовых тамарисков — в глазах рябит и пестрит!

Голубые сизоворонки кричат резкими трескучими голосами. Овсянки, похожие на канареек, поют старательно, задирая клювики в небо. Порхают удода, похожие на пёстрых огромных бабочек. И воробьи тут не обыкновенные, а испанские: очень яркие, очень пёстрые, страшно горластые.

Вечера в тугаях тихие, настороженные. Вдруг отчаянно закричит фазан и захлопает быстрыми крыльями. Значит, лиса или дикий кот спугнули его с земли.

Услышишь сердитый звериный рёв. Рёв никого не пугает: ревьёт косуля. У этого безобиднейшего существа почему-то очень страшный голос.

Вдруг шелест тростников, drobный топот: на поляну выбежали кабаны. Звонко и хлётко свистит соловей.

Жёлтая луна плывёт за корявыми, изогнутыми стволами. Ночь. Пахнет пряной джидой. Незабываемый запах. Незабываемый лес.

БАРТОГОЙ

Заманчиво очутиться ночью в совершенно незнакомом тебе месте, да ещё с таким загадочным названием, как Бартогой. Заранее знаешь, что утром, при свете солнца, всё покажется совсем другим, чем виделось ночью. С восходом солнца придётся тебе всё заново открывать.

Тёмные холмы, что угрюмо окружали ночью со всех сторон, превратятся при свете в весёлые кучи кустов. А то, что казалось далёкими гребнями гор, вдруг обернётся стеной близкого леса. Итак всегда: словно ложишься спать в одном месте, а просыпаешься совсем в другом.

В незнакомом месте не просто лечь и уснуть. Невольно вслушиваешься больше, чем надо, а потому и слышишь больше, чем надо, — сам от себя гонишь сон. Утром вместе с темнотой разойдутся и страхи: откроется взору земля, первый раз тобой виденная.

Именно так открыл я для себя урочище Бартогой на горной реке Чилик.

Орлу с высоты он казался, наверное, зелёным курчавым барашком, заблудившимся среди сухих розовато-лиловых гор.

Мне с вершины горы Бартогой казался просто зелёным лоскутком с голубой лентой реки. И хоть торопился я к нему так, что шипы на спусках скрежетали и высекали искры, а жар раскалённых камней обжигал лицо, до заката я не успел.

В полной темноте я вошёл под навесь лесных ветвей, словно с раскалённого берега нырнул в прохладную тёмную глубину.

Под ногами податливо проминается сырая земля, влажнеют шершавые

губы, ветерок холодит мокрые плечи, а по горячей шее приятно скользят прохладные листья. Влажный оазис посреди сухих гор. Сгусток жизни среди мёртвых камней.

Когда над головой замелькали звёзды, я понял, что вышел на большую поляну. Идти дальше неизвестно куда не имело смысла. Наткнувшись на большой камень, я сел на него поудобнее и стал дожидаться утра. Даже привыкшие к темноте глаза ничего не могли разглядеть, мир кончался для меня на расстоянии вытянутой руки. И звёзды над головой исчезли, их скрыла, наверное, дымка лесных испарений.

Там, где бессильны глаза, на стражу становится ухо. В незнакомом месте всегда беспокоят незнакомые шорохи. Лечь бы сейчас прямо на землю, поджать поудобнее ноги, накрыться брезентовой курткой и спать. Только боязно: на спуске я встретил змей щитомордников. Щитомордники ядовиты, они «родственники» знаменитых гремучих змей. От испуга и злости они трясут своими хвостами. Сколько раз, видя это, я думал: вот бы прицепить на хвост колокольчик, то-то было бы звону! Гремучим змеям природа нанизала на хвост костяные кольца. Когда змея сердится, кольца на хвосте трещат и стрекочут, как погремушки. И это хорошо: все знают, что тут гремучка, и обойдут её стороной. А у щитомордника нет погремушки, его в темноте не услышишь и не увидишь. А ему видеть не надо, он живое чувствует на расстоянии по теплу тела. Придави нечаянно или толкни, и он уж не промахнётся. Потому и не хочется ложиться в траву, да и сидя на камне приходится поджимать ноги повыше. Впрочем, может, и к лучшему: сколько интересного мы пропускаем во сне!

Сижу на камне и слушаю ночь. Приятнее всего в незнакомом лесу услышать знакомое. Свистят пучеглазые совки-сплюшки. Чистыми,

приятными, совсем не совиными голосами, они ритмично, как метрономы, выкрикивают свои меланхолические тю! тю! тю! Совки баюкают лес.

Время от времени шорох, тихий топоток мягких лап: заяц, наверное, спешит по своим делам. Совсем по-хорошему свистят соловьи. И задущевно кукует ночная кукушка. Только иногда почему-то вдруг после привычного сдвоенного «ку-ку» возьмёт да и вставит счетверённое «ку». И звучит тогда так, что сразу кукушку и не узнаешь: «Ку-ку. Ку, ку, ку, ку, ку-ку!»

Знакомые звуки ласкают ухо. Но ухо — сторож, сейчас его обязанность сторожить, а не наслаждаться. Я даже чувствую, как оно упорно выискивает незнакомое и непонятное. Оно насторожилось ещё тогда, когда я продирался сквозь кусты: впереди послышалось чёткое цоканье, и сразу грохот взлёта: чьи-то крылья бешено били по листьям. И сейчас слышалось незнакомое: кто-то гнусаво вскрикивал время от времени не то «кох-кох!», не то «кау-кау!» И незнакомо лопотали жёсткие крылья.

Дважды в стороне слышались шаги, чёткие и тяжёлые: остановится или пройдёт? Остановился. Наверное, всматривается, вслушивается, принюхивается. А кто?

Ага, пошагал дальше. Чуть подрагивает земля, шаги эти я чувствую всем своим телом. Уф, наконец стихли!

Посреди ночи всё стихло: шорохи листьев, шорохи шагов, голоса птиц. И только шум далёкой реки стал доноситься громче.

Спали соловьи, спали кукушки. Уснули, наверное, и те, кто вскрикивал охрипшим голосом и кто осторожно, но тяжело шагал.

И мне бы сейчас уснуть, да попробуй, если сидишь на камне, как петух на насесте. Спасибо, небо расчистилось и снова звёзды видны. Глаза скользят по россыпям звёзд, задерживаясь на знакомых. Полярная, ковшик Медведицы. А где же утренняя звезда?

Рассвет я не увидел, а почувствовал: вдруг стало холодно. Камень, на котором сидел, повлажнел. Провёл рукой по траве — и словно окунул её в воду. И куртка стала сырой. А когда потёк утренний ветерок, я ощутил, что и лицо сырое: заохлодило его до пупырышек.

Сейчас загремит птичий хор. И хор загремел. Птицы как-то разом проснулись, словно разбудил их неслышный будильник, прочистили охрипшие горлышки и запели. И не запели, а грянули, торопясь и перебивая друг друга. Соловьи, кукушки, щеглы, горлинки. Прямо птичий переполох! Молчали, спали и вдруг загалдели. Словно торопились до солнца наголоситься.

И я встряхнулся от сонной одури, размял онемевшие руки и ноги, пошевелил лопатками, растёр ладонями холодные щёки. Озноб прокрался под куртку, и я, сунув руки под мышки, уткнул нос в расстёгнутый воротник.

Окружающее медленно проступало из темноты. Сперва от земли отделилось небо. Потом на земле проступили светлые и тёмные пятна. Пятна наливались темнотой или светом и принимали форму и очертания. И вот уже это не пятна, а кусты, полянки, стволы деревьев. А за ними волнистая кайма гор.

И снова слышатся вчерашние гнусавые вскрики и непонятный лопот крыльев. И вспомнилось почему-то кукареканье петуха, когда он утром шумно вспархивает на забор.

Тяжелых шагов пока не слышно — и то спасибо. А мягкий топоток и в самом деле был заячий: сейчас-то я разглядел, как близко проковылял косою, низко кланяясь на бегу и смешно подкидывая задок.

Стал обозначаться и цвет. До этого было всё мутное, серое и расплывчатое, как на плохой передержанной фотографии. А теперь налилось цветом: зелёным — трава и деревья, красноватым и рыжим — горы.

Гнусавые вскрики и суматошное хлопанье приближается. Можно уже различить отдельные голоса. Некоторые голоса совсем сильные и какие-то простуженные. Незнакомые птицы спешат из сумрачного леса на посветлевшую поляну.

Солнца ещё нет, но всё уже видно вокруг. А раз видно, то и закусить можно. И птичий хор на деревьях начинает смолкать: клювы занялись делом.

И тут на поляну из леса выходит первый хриплый крикун, Как же я раньше не догадался: это же петухи-фазаны! Наградил же птичий бог этакой красотой! И таким худым сильным голосом. Наверное, так справедливо, нельзя же всё одному — и голос и красоту. У соловья чудный голос — и простенький, серенький вид. У фазана перо жар-птицы, зато голос как у простуженного поросёнка.

Теперь я понимаю, почему они представлялись мне петухами. А кем же ещё? Они и есть петухи!

Один совсем по-петушиному взлетел на корягу, по-петушиному выгнул шею, вот только кукарекнуть по-петушиному не сумел! Вместо «кукареку» просипел «кох-кох»! Зато точно как деревенский петух браво похлопал себя крыльями по бокам и лихо соскочил вниз.

Крикнула над поляной первая галка. Повисла на ветке вниз головой суетливая белая лазоревка в голубой шапочке. Звонко прокричала на серой сушине рыженькая пустельга. Проснулись и те, кто любит поспать.

Наконец-то поднялось солнце — и всё сразу стало выпукло, сочно и ярко. Заискрились росинки, на стволах деревьев обозначилась каждая морщинка коры, за каждым кустом легла густая тень. Вот тут-то петухи-фазаны и превратились в небывалых жар-птиц! Грудки в латах из начищенной красной меди, белые снежные воротнички, бархатные зелёные шапочки и красные серьги. А шпоры, а крылья, а бока! А сверкающий глаз, а важная поступь, а взгляд через плечо — презрительный и небрежный!

Они уже досыта нарасовались, накричались до хрипа, намахались крыльями, становясь столбиком и даже запрокидываясь назад. Фазанам тоже пришла пора закусить, благо солнце осветило поляну.

Стая багряных жар-птиц на зелёной траве-мураве. Кто охорашивается, перебирая клювом перья. Кто прилёт погреться и перо посушить: лежит на боку, вытянул лапку и накрыл её крылышком, словно веером. А кто лениво бродит и кланяется каждому зёрнышку.

Вышли из леса и зайцы. Тёмные — мокрые от росы. Шерсть слиплась прядками, вид несчастный, обиженный. Распластались на припёке: кто на боку, а кто на животе. Один лапой за ухом чешет, другой потягивается, широко зевая и прогибаясь в спине.

А как отогрелись, обсохли — начали озорничать. Подбегут к дремлющему фазану — и гоп через него! Фазан от неожиданности и перепуга шарахнется, забьёт крыльями, заорёт не своим голосом. А заяц осматривается да ушами поводит: через кого бы ещё перескочить?

Меня не видит никто. Вернее, все видят, но никто не обращает внимания. Стоит ли отвлекаться на неподвижный пенёк или камень? А «камень» смотрит во все глаза: мне надо запомнить это утро, другого такого может и не случиться. Когда-то наш предок, просыпаясь в лесу, всегда видел вокруг непуганых птиц и зверей. Удастся ли увидеть их, непуганых, нашим потомкам? Смогут ли они в своём будущем пережить это удивительное ощущение родства и единства с дикой природой?

Прилетела на поляну сорока, побродила, томясь и скучая, среди фазанов и зайцев, покачала длинным хвостом, ущипнула ближнего зайца за ухо и улетела.

Над поляной поплыла и заструилась тёплая дымка. И всё за ней сдвинулось и исказилось, словно отразилось в воде. Отодвинулись и смягчились гребни и грани гор, потускнела пронзительная зелень деревьев и трав: позднее утро сменило раннее. Солнце припекало вовсю. Дремлют фазаны и зайцы. И я дремлю, подставив себя солнцу: выгоняя ночной озноб. Я уже свыкся с новизной места, с той поразительной переменной, которая произошла с ним на рассвете, и уж ничего не жду. И напрасно!

Когда я открыл глаза — рядом стояли олени! Шли мимо, увидели и обомлели. Глаза чёрные и огромные, губы мягкие и ворсистые. Вздрагивают влажные ноздри, но ветер тянет от них.

Вот когда я по-настоящему окаменел: не моргаю и не дышу. И олени окаменели. От напряжения у них на глазах слёзы. Уши нацелены, как радары. Озноб пробегает по холёной замшевой коже. На напряжённых ногах вздуваются и опадают бугры мышц.

Такого-то уж точно не придётся больше увидеть: ведь передо мной редкостные тугайные олени, обитатели тугаев — пойменных лесов южных рек. Когда-то их было много и они украшали леса. Теперь увидеть их так же трудно, как тигра, барса или гепарда. И вот — повезло!

Задний олень тычет носом в ногу переднего: иди, не стой — ничего интересного. Передний отворачивается от меня и, положив рога на спину, тронулся — словно поплыл над тростниками! И тут струйка ветра со страшным запахом человека мазнула по влажным ноздрям: олени дрогнули и понеслись! Теперь они не плыли, а летели в золотых тростниковых волнах. И от дробного топота копыт чуть подрагивала земля. Так вот чей топот я слышал ночью!

Ни фазаны, ни зайцы не обратили на оленей никакого внимания. Олени — свои. Что же мне делать? Ведь стоит чуть шевельнуться — и рухнет покой поляны. Я-то для них чужой. Я — это страх, опасность, тревога. Хороший подарок за всё, чем они меня наградили...

Пошевелюсь, встану — и ракетами взвьются фазаны, в пену взбивая крыльями воздух. У зайцев выкатятся глаза, и они распластятся над землёй, вышибая ногами пыль. Останусь на поляне один я — царь природы...

Вставать или не вставать?..

XAT.COM

УЩЕЛЬЕ КАМЕННЫХ КОЗЛОВ

Нас в ущелье заманила вода. Она билась среди мёртвых раскалённых камней, как живая прохладная жилка. Мы грохнулись на колени, окунули головы в воду и стали пить, фыркая и захлебываясь: в пустыне быстро узнаёшь цену воде!

Чем глубже в ущелье, тем скалы угрюмей и выше. Скалы чёрные от загара. Блестящие, как литое стекло. Вычернило их солнце, отполировали песком ветры. Голубое небо отражается в чёрных скалах, и они отливают синью, как вороново крыло.

Тут и там на чёрных стенах светлые пятна. Это срывались от подземных толчков глыбы. Пятен много: землетрясения здесь не диковина. Глыбы огромные: землетрясения здесь нешуточные.

Между чёрных скал лиловые осыпи. Тени там резки, камни горячи, а звуки гулки.

В мире камней живут «каменные» птицы: каменный поползень, каменная куропатка, пёстрый каменный дрозд, даже каменный воробей!

«Каменный» поползень гнездо строит из глины, замешанной на слюне. Гнездо раз в триста тяжелей самой птички. И крепкое оно, как камень. Поползень строит свой дом надолго. Сверху полирует слизью от гусениц. Вмазывает в глину яркие пёрышки и блестящих жуков — украшает.

Каменные дрозды весёлыми рыжими пятнышками светятся на мрачных скалах. И звонкие их голоса смягчают суровость каменных глыб.

По-деревенски, словно в курятнике, квохчут кеклики — каменные куропатки. Странные птицы: в камнях живут, в камнях кормятся, в камнях детей растят. Ну, а каменные воробьи такие же горластые, как и их городские сородичи.

Когда-то тут жили и люди.

Везде на скалах рисунки! И там и тут: целые картинные галереи! Больше всего выбито и выцарапано козлов: рогатых, бородатых, важных. А вот бараны-архары с толстыми, круто закрученными рогами. Оленямаралы; значит, и они тут раньше водились.

Я разглядываю мастерскую древнего живописца. Вот на этом камне он сидел у стены. Свет падал отсюда: как и теперь, тысячу лет спустя... Тишина окружала его. И тысячу лет назад она была такой же, как и сейчас. И солнце пекло. И лениво — вот так же! — жужжали мухи. Из того ручья он пил, черпая воду ладонями. И капли скатывались с бороды.

Его сородичи после тяжёлой охоты блаженно лежали в тени, сонно отмахиваясь от мух. Просыпаясь, подсмеивались, наверное, над чудачком, упорно царапающим скалу.

А художник скоблил и скоблил. Взбудораженный, переполненный виденным, узанным, понятным. Первый историк и живописец древних жителей этих гор. Счастливый уже одним тем, что никто ему не мешает.

Я вглядываюсь в рисунки на скалах: они напоминают что-то очень знакомое. Ну да, конечно, вот так же рисуют теперь ребята углем и мелом на стенах, заборах, панелях! По правилу: «Точка, точка, запятая, минус — рожица кривая».

А сегодня по этим простым рисункам мы узнаём жизнь наших дальних предков. Каким оружием они сражались, на каких музыкальных инструментах играли. Как охотились, как танцевали. Каких зверей приручали, а каких упорно преследовали.

Есть на скалах рисунки непонятных зверей и чудовищ, Наверное, тогда художники боялись чего-то страшного и непонятного.

А есть рисунки и смешные. Баран с собачьим хвостом, верблюд с

козлиными рогами, козёл с верблюжьим горбом. Древние охотники, прекрасно знавшие звериную стать, наверное, со смеху покатывались, глядя на этих уродцев. Так же, как теперь смеются ребята над стишками-перевёртышами: «Курочки закрикали, утки закудахтали».

Я перехожу от камня к камню, от скалы к скале — как от витрины к витрине музея. Время многое уже стёрло. Многие потускнело и потемнело под огненным солнцем пустыни. Жёсткие ветры затёрли грани. Но я с уважением глажу шероховатые камни. Я с завистью думаю о художнике, рисунки которого пережили века...

Спим мы в крохотной палаточке, втиснутой между упавшими глыбами. Ветер надувает её, как воздушный шарик. Камни давят под рёбра.

Тихо плещет ручей, скребутся о палатку кусты, пустынный козодой уныло трещит. Со звоном катятся плитки щебёнки: кто-то и ночью ходит по скалам.

Утром мы покидаем каменное ущелье.

Со всех сторон смотрят на нас дикие козлы-теки: мёртвые, изваянные на камне: и живые, застывшие, как каменные изваяния.

НЕБО БЕЗ ЗВЁЗД

Тишина

Нигде больше нет такой тишины, как под землёй. Но странная это тишина: она не успокаивает, а настораживает. Всё ждёшь, что вот-вот что-то услышишь. И сам становишься, как настороженное ухо. И вслушиваешься так, что начинаешь слушать тишину...

Тут-то пещера и начинает дурачить неопытного новичка! Он непременно услышит то, что больше всего боится услышать.

Если боится диких зверей, то обязательно услышит крадущиеся шаги и злобное ворчание. Если его пугает обвал — он услышит далёкий грохот камней, а если наводнение — плеск приближающейся воды.

Тогда приходят страх и растерянность. И хочется громко крикнуть, чтоб заглушить эту обманчивую тишину.

Но не надо кричать. И не надо бояться.

Под землёй надо заново учиться слушать.

Темнота

Не надо чрезмерно вслушиваться в тишину и вглядываться в темноту. Да и без фонаря всё равно ничего не увидишь. Потому что нет нигде больше места, где было бы темнее, чем под землёй. Там даже сова и кошка ничего не увидят.

Ни утра, ни вечера, ни дня — одна ночь. 365 долгих ночей в году. И нет подземной ночи конца. Бесконечная череда медленных беспросветных лет...

Но влекут человека и непроглядная темнота, и мёртвая тишина.

Зеленый свет

Мы заблудились. Когда потеряешься в лесу, там всё приходит к тебе на помощь: мхи, травы, деревья, пни, муравейники, даже само солнце.

Совсем не то под землёй.

Ручей там не обязательно выведет к реке.

Тропа может завести в тупик.

Даже ветер, холодный подземный сквозняк, часто дует совсем не от входа в пещеру.

Под землёй и от компаса пользы немного. Что толку знать, что выход на юге, если каменный коридор ведёт на запад или восток? Мы уже не шли, а ползли.

Лежу плашмя, втиснутый в каменную трубу. Позади хрипло дышит товарищ. Упираюсь носками ботинок в уступ и с силой проталкиваюсь вперёд. Ой, как трудно дышать! А нет ничего страшнее тесноты и удушья. Спокойно, спокойно. В каменной тесной трубе бессмысленно дёргаться и спешить.

Выдыхаю и чуть протискиваюсь вперёд. Ползу, выкручиваюсь, как

червяк.

Товарищ немного отстал: если я безнадежно заклинюсь, он вытащит меня за ноги. Если сможет...

Фонарь я держу в зубах: он здорово мешает дышать. Нет, дальше так нельзя. Буду сигналить ногой — пусть тащит назад.

Разжимаю зубы и выпускаю фонарь. Он упал и погас. И я сразу увидел впереди свет!

Свет слабый, непонятный, зеленоватый. Как через толщу воды. Но что из того: свет под землёй — это путеводная звезда в ночи!

Велика сила света. Всё живое тянется к свету. Цветы поворачиваются за солнцем. Птицы летят на свет маяков. Бабочки мчатся на свет окна или костра. Рыбы сплываются на свет фонаря. Но сильнее всех тянется к свету человек. Свет — это жизнь. Это выход из подземного мрака.

Опять выдыхаю и протискиваюсь вперёд, выплёвываю песок. То вытягиваюсь, то сжимаюсь. И вываливаюсь наконец из каменного горла в широкий грот.

Но выхода наружу что-то не видно. Стены грота светятся сами по себе! Свет струится со стен, с потолка. Он под ногами и над головой. Всё усыпано изумрудными капельками росы. Нигде на земле я не встречал подобного света. Только однажды, в глубине глухого лесного озера, у затенённого чёрными елями берега, видел я что-то похожее. Блики солнца качались по дну и выхватывали из темноты изумрудные пятна подводного мха.

Мох!

Трогаю ладонями стены: под руками моховой ковёр. Стены затянуты мхом: особым, мерцающим изнутри, диковинным, светящимся пещерным мхом! Таким светом сияют гнилушки.

Мы подносим растопыренные ладони к глазам — и видим свои чёрные пальцы на фоне зелёного света. Мы шевелим руками— чёрные ладони беззвучно скользят по зелёному сиянию. В глазах товарища я вижу зелёные искры!

А скоро нашли и лазейку наверх: она оказалась рядом. Солнце ослепило глаза. У ног наших яркий и пёстрый — даже в глазах зарябило! — альпийский луг. Под нами лиловые скалы. Внизу деревья — как зелёные фонтаны, бьющие из-под земли. Всё в тысячу раз чудесней и ярче, чем под землёй. И всё же видение сказочного грота, мерцание подземного мха с изумрудной росой возникает снова и снова, стоит лишь только закрыть глаза...

Танцующие жемчужины

Я первый раз был в этой пещере. По дну её текла река. Значит, это была совсем ещё молоденькая пещера: реки обычно текут только в молодых пещерах. Была ей, наверное, всего-навсего какая-нибудь тысяча лет.

Я брёл по колено в воде, а воды не видел, такая она прозрачная. Фонарь освещал под ногами блестящие разноцветные камешки, похожие на мокрые леденцы. Захочешь поднять яркий камешек, нагнёшься, протянешь руку, а рука вдруг окунётся в ледяную воду!

Я бурунил воду ногами, и каменный коридор ухал и охал от всплесков воды.

Но и сквозь этот гул и плеск расслышал впереди какое-то неясное бормотание, будто там, впереди, кипел и булькал на огне огромный котёл.

Осторожно, упираясь руками в ослизлый каменный потолок, подошёл к чёрной дыре, в которой исчезла вода подземной реки.

Там кипело и клокотало. В луче света блестела лакированная вода и взлетали яркие брызги: подземный водопад на подземной реке. Водопадик так себе, в два человеческих роста всего, а внизу и вправду котёл — широкая каменная чаша, выбитая водой.

Цепляясь за мокрые камни, стал я спускаться вниз по самому краешку водопада, но ледяные струи всё равно сейчас же полились в рукава и за шиворот. Терять уже было нечего, и я карабкался напролом, заботясь лишь о том, чтобы упругая вода не спихнула меня вниз раньше срока.

Внизу я первым делом заглянул в чашу. И в чаше увидел то, о чём много раз слышал, но не видел ни разу в жизни.

В прозрачной воде, среди пены и брызг, лёгкие и блестящие, как пузырьки воздуха, плясали жемчужины! Всякие: крохотные — с булавочную головку, средние — с горошину, и большущие — с яйцо голубя. Я выловил их полную горсть: круглых, овальных, поблёскивающих словно комочки ртути. То тускло-серых, то розоватых, чуть голубых или желтых.

Сотни лет толклись в чаше с водой беспокойные песчинки и медленно, страшно медленно, обрастали солями.

Сотни лет. несколько человеческих жизней... В полной темноте, в брызгах и пене, среди гудения каменных стен, ни на мгновение не останавливаясь. Скрытно, неслышно, невидимо, неизвестно для чего и кого, песчинки превращались в жемчужины. Но как они беззащитны, как их легко погубить — стоит лишь сунуть в карман. Ещё и до выхода не успеешь дойти, как превратятся жемчужины в жалкие тусклые комочки, похожие на грязные камешки. Для жизни им нужен мрак и подземные водопады с клокочущей и бурлящей водой.

Наслышан я был про жемчуг подводный, а довелось увидеть жемчуг подземный.

Поющая соль

И в этот раз я был не один. Спутник мой новичок под землей — и его всё удивляет. Очень поразили его стены подземного коридора: они были снежно-белого цвета и мраморно мерцали в луче фонаря.

— А я думал, что под землёй всё только чёрное!

Но больше всего его удивила и напугала подземная тишина. Он нарочно громко топал ногами, чтобы её заглушить. Когда мы останавливались, он говорил:

— Вот не думал, что я так громко дышу!

И добавлял:

— А я слышу, как у тебя сердце стучит!

Сердце и я слышал: стучит. Как кулаком в дверь!

Мы шли, а он наступал мне на пятки, то и дело тыкал рукой в плечо и шептал:

— Ой, как тихо. Я слышу, как моргаю глазами. Слышу, как улыбаюсь!

Я останавливался, гасил фонарь и вслушивался изо всех сил. Нет, я не слышал своей улыбки — только дыхание и стук сердца.

— Мерещится! — говорил я.

На развилке коридора он схватил меня за плечо и задышал в ухо:

— Слышишь? Поют...

— Может, капли звенят?

— Нет, поют.

— Может, бьётся под потолком летучая мышь?

— Нет, поют!!

На этот раз и я услышал. Даже скорее ощутил, чем услышал. Что-то впереди неясно звучало. Мы ускорили шаг: пение приближалось. Идём, упираясь руками в холодные белые стены. Да, впереди поют! Или играет орган. Звуки торжественные, плавные, величавые. То отдаляются, затихают, то вдруг растут, накатываются, гудят. Мы слушаем, сдерживая дыхание.

Неожиданно наступает тишина, и свет фонаря проваливается в пустоту, Большой грот. Я шарю фонарём, пытаюсь нащупать лучом стены, но стен нет. Вокруг нас только молчаливые голубые колонны, поддерживающие невидимый потолок. Поднимаю фонарь: над головой гирлянды белых сосулёк. Длинные и короткие, толстые и тонкие, прямые и искривлённые. Луч скользит по ним, и кажется, что они колышутся.

И вдруг там, среди зарослей сосулёк, тихо загудела невидимая труба. Гудит она всё громче и громче, звук накатывается как волна, заполняет весь зал: вот-вот треснут голубые колонны и обрушатся белые сосулёки!

— Я слышу, как поднимаются дыбом волосы! — кричит товарищ.

Да, у нас обоих шевелятся волосы. Нет, не от страха, а от сильного встречного ветра — подземного сквозняка!

Мы понимаем, что это он, ветер, поёт, и гудит, и засвистывает в сосулёках, и, может, хлещет по ним тысячами песчинок.

Бью кулаком по кончику длинной сосулёки — она раскалывается и стучит по камням. Так и есть: в середине сосулёка пуста! Она и в самом деле похожа на трубку органа. Но сделана трубка не из металла а из... соли! Это соляная пещера, тут всё из чистой поваренной соли. И стены, и пол, и потолок. Всё белое, голубое и розоватое.

Торжественно гудит соляная пещера.

Наши сердца радостно стучат — как кулаком в дверь.

И мы глупо лижем осколки сосулёк — соль, чистая соль!

Но тесной угловатой норе протиснулся я в широкую пещеру. С трудом разогнул замлевшую спину, сел на ледяную тумбу и зажёл фонарь. Да так и остался сидеть, как примороженный!

Колыхнулась от света чёрная пустота — и поднялись по сторонам белые невиданные цветы! Белее снега, затейливее инея, тоньше, чем паутина. Такие нежные, что страшно шагнуть, страшно задеть, страшно громко сказать! Да, не всё под землёй только каменно, угловато и грубо. Не всё грязные лазы, тесные норы, заляпанные глиняной жижей. Вот оно — чистое, тонкое, зыбкое!

Смотрю растерянно и даже испуганно. И рождается ж такое посреди грязи и мрака!

Говорят, что нет ничего нежнее живых цветов. Они закрываются от капли дождя, тускнеют от ветерка. Мимоза капризно вянет, если её чуть коснуться рукой.

Но вот я вижу кое-что понежнее живых цветов — это цветы мёртвые, ледяные. Цветы глубокой, тёмной, холодной пещеры.

Нечего и пытаться их сорвать — они тотчас рассыплются в прах,

обратятся в лёгкое облачко ледяной пыли. Их даже тронуть нельзя.

Нельзя к ним склониться, чтобы подробнее разглядеть: они растают от тёплого дыхания! Они вянут от тепла протянутых рук. Оплывают, никнут от одного того, что я сижу рядом с ними. Гибнут от тепла тела, как от жаркого солнца!

Цветы вечной темноты: выросли не для глаз, не для рук. Родились по каким-то своим диковинным подземным законам. Они непонятны, как непонятны ослепительные яркие краски, скрытые в чёрной глубине океана.

Кого они радуют там и кому они там нужны, если никто их не может увидеть?

Яркость живых цветов привлекает бабочек и пчёл: они опыляют цветы,

Но кому нужна красота в глубине океана, где всё утонуло во мгле? Или в пещере, где живут одни слепые мокрицы и черви?

И я лишний тут: я не желая гублю, порчу не прикасаясь, убиваю их чуть дыша!

Пора, пора уходить.

Но мне не встать!

Может, я и впрямь очарован, застыл и остолбенел?

Даже в жар бросило! И сейчас же на ближних кристаллах-цветах набухли капли воды — словно сверкающие росинки.

Нет, так нельзя.

Надо спокойно. А то разогреюсь и всё погублю. Я просто, оказывается, примёрз к ледяной тумбе! Со скрежетом отдираю брезентовые штаны ото льда и снова втискиваюсь в тесную нору.

Подальше, подальше от нежных подземных цветов, от этих ледяных недотрог. Пусть себе растут и цветут неведомо для кого.

ЗАНГЕ-ДЗОР

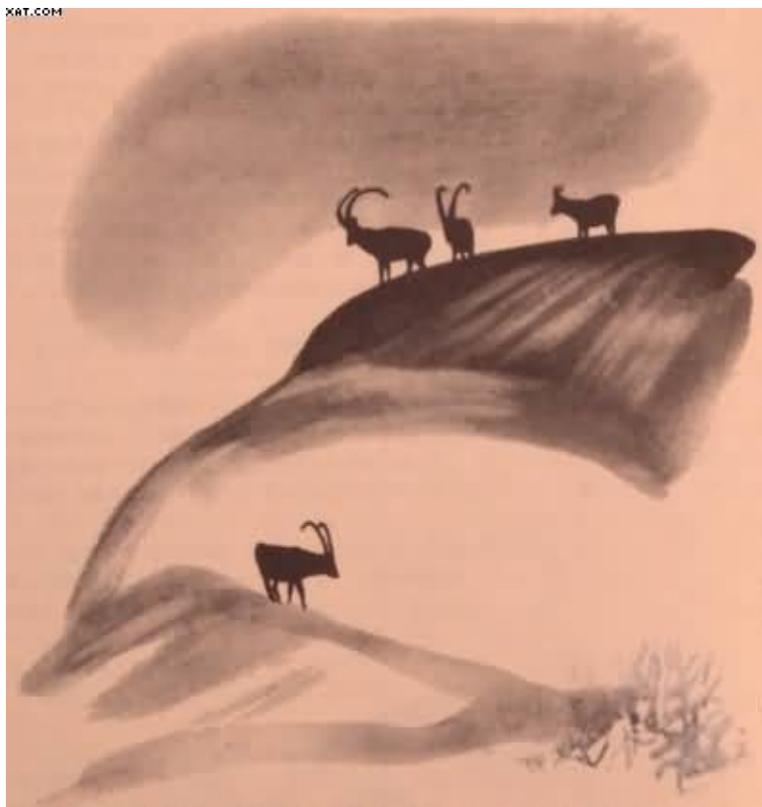

Если бы я сразу расспросил, что значит Занге-Дзор, я бы, наверное, так не намучился. И, наверное, сразу бы понял, почему именно в этом ущелье до сих пор сохранились бородатые козлы-безоары. В соседних ущельях козлов давно уже перестреляли охотники. Но я не спросил. И не жалею, хоть и расплатился за это трудами и потом. Потому что нет ничего слаще тайны — хоть самой малюсенькой! — раскрытой самим.

Ущелье Занге-Дзор рассекает широкий склон сверху донизу. Начинается оно высоко, у горного селения, и кончается глубоко внизу, у горной реки. Ущелье глубокое, тесное, узкое — как туннель. Стены — отвесные скалы. По дну извивается ручеёк — серебристая змейка.

Солнце накалило серые скалы. Жара, духота. И тишина. Такая тишина, что пичужка вспорхнёт, а кажется — вихрь промчался. Камень сорвётся — целый обвал! Слышно даже, как серые ящерицы — агамы — с обрюзглыми мордами трутся о камни толстыми чешуйчатыми животами...

В ущелье много козлиных следов. Сердечки козлиных копыт и на сыром песке у ручья, и на запылённых узких карнизах, И на жёстких колючих кустах клочья линючей козлиной шерсти.

Сердечки копыт большие, шерсть на колючках седая — живут тут старые рогали. Сумели уцелеть как-то. А в соседних ущельях и молодых не осталось...

И видится мне: козлино-бородач мирно дремлет в холодке и тени каменного грота. Бородатая голова его с тонкими замшевыми губами сонно клонится, клонится, и кривые рожища, как зазубренные в боях сабли, скребут и шаркают о шершавую стену...

Едкий пот разъедает глаза. Я уже прошёл половину ущелья, а козлов нет. И зачем они мне? Добро бы ещё, если бы я был с ружьём, Нет, ради сухого козлиного мяса, ради радости живота не стал бы я ломать *ноги*. Влечёт — и тут уж ничего не поделать! — непонятное, необъяснённое.

Иду. иду — и всё только следы копыт да клочки шерсти. И редко-редко тихий звон плиточек щебня — словно стучит кто-то на ксилофоне.

Прошёл я ущелье сверху донизу и снизу доверху. И не шёл уже, а тихо крался, чуть высовываясь из-за камней. Но козлов не увидел. То же было и на второй и на третий день. Сердечки копыт. Шерсть. Всё.

Увидеть меня козлы не могли: я был в одежде под цвет камней. Не могли и учуять: я шёл против ветра. А услышать?

Я задумался. Я вспомнил удивительную тишину этого ущелья,

похожего на туннель. Нет, и услышать козлы не могли — даже тут! Я шёл очень тихо, я всё время боялся нарушить эту удивительную чуткую тишину. Что за козлы-невидимки!

Я достаточно вымотался за эти три дня. Но загадка, загадка!

Ещё в темноте я снова был в ущелье. Я люблю встречать рассветы в горах. Над тёмными гребнями вдруг посветлеет небо. И оттуда, словно в распахнутое окно, потянет холодным ветром. И тогда вершины гор начинают краснеть, как раздуваемые ветром угли.

Лежу в гроте-полупещерке на старой лёжке козла. Вода лопочет внизу. Муха залетела в пещерку — нажужжала, нажужжала и улетела. Прошумел-пробежал по склону, завиваясь пыльной воронкой, смерчик. И опять тихо и жарко. И только лопочет внизу вода.

И вдруг совсем близко — фырк, фырк! Зазвенел и потёк щебень. Ясно слышу постукивание козлиных копыт по камням, шарканье рогов о скалу. Наконец-то! Сейчас высунусь и увижу.

Осторожно выглядываю — никого! А топот, фырканье и шарканье рядом! Вот где-то тут, руку протянуть. А никого нет. Козлы-невидимки...

А козлы всё топочут, топочут. Пофыркивают от пыли. Осыпается и ползёт из-под копыт, звякая, плитка — играет козлийный ксилофон. Всё громче, всё ближе, а самих нет.

И когда казалось, что козлы сейчас полезут прямо в мой грот, сопя и осыпая камни, я наконец их увидел. Они высунули рогатые головы из-за... дальнего гребня горы! До них и из ружья бы не дострелить!

Вот и понятно, почему я до сих пор не встретил в ущелье козлов. И почему они уцелели именно тут.

Узкое ущелье как слуховая труба. Упадёт в одном конце камень — на другом конце слышен звук падения. Кеклик проклохчет, пустельга прокричит — эхо по всему ущелью замечется. Как сейчас: козлы только в ущелье вошли, а я уже давно слышу каждый их шаг. Как слышали они и мои шаги...

И шаги всех охотников, которые пытались их обмануть. Слышали и загодя уходили. И дожили до старости.

Потом рассказали мне, что в глубокую старину внизу ущелья у тропы над рекой висел сторожевой колокол. У колокола дремал воин. Но стоило только на тропе появиться врагам — он громко звонил. И колокольный звон летел по ущелью вверх, к началу, где было селение. Тревога, тревога! Пока недруги поднимались по склону, жители селения уже приготовили встречу. Потому ущелье и называется Занге-Дзор — Колокольное ущелье.

Ну что ж, когда-то ущелье спасло от разгрома селенье в горах. Может, теперь спасёт и козлов?

ДУШИСТЫЙ УРАГАН

Горы. Мы поспешаем верхами по одной из тех троп, о которых романтически настроенные туристы говорят: «Ты на тропе — как слеза на реснице». А местные горцы попросту: «Пронеси, господи!»

Левое стремя чиркает о камни стены, правое плавно плывёт над пропастью. Кони вспотели от страха и дёргаются всякий раз, когда из-под копыт выворачиваются камни и скачут вниз. Внизу — глубоко-глубоко, так что дух захватывает — гудит река. И слышно, как по дну ее глухо тукают камни.

Между тропой и рекой курчавый лесок. Лес на каменной стене! В него-то и торопимся мы, судорожно сжимая коленями лопатки коней и успокоительно похлопывая их по горячим, потемневшим шеям.

Кажется, пронесло! Лес накрыл нас пятнистой тенью и вымостил тропу паркетом из жёлтых и лиловых бликов. Но вихрь ударил в лицо, и сразу закружила метель! Белые хлопья залепили глаза, обрушились белым ливнем на головы, плечи, колени. Кони мгновенно покрылись снегом. Но каким снегом — душистым и нежным!

Вихри ветра кружили жасминовые лепестки. Лепестки то текли и струились, то обрушивались водопадами, то закручивались смерчами и воронками. словно кто-то швырял и швырял их охапками или вытряхивал из мешков и корзин. Метался ветер, куролесила метель, неистово ревела река.

Весь склон был в кустах отцветающего жасмина. Всё было усыпано пахучими лепестками. Купы кустов, как зелёные тучи, сыпали «снегом». Ветер-сквозняк подхватывал «снег» и закручивал его то в тугой жгут, то расшвыривал, как перо из перины.

Всё пропахло жасмином. Сгребая лепестки с коней пригоршнями и рассыпчатыми снежками швыряемся друг в друга. Вокруг лошадиных тяжёлых копыт взлетают «снеговые» фонтаны.

У камней намело сугробы из лепестков. Стволы и сучья побелели, словно от инея. Хоть на лыжах катайся или лепи снеговика!

Бушует весёлая жасминовая метель. В глазах мельтешит и засвистывает в ушах. Завивает, кружит, заносит.

И удивительно и смешно.

ОЗЕРО

Усталый путник даже в горах не увидит ничего интересного. Шагаешь, придавленный тяжестью рюкзака, и перед глазами одно лишь мельканье твоих же пропылённых ботинок. Капли пота дрожат на ресницах, липнет рубаха к плечам. Хватаешь ртом ветер, как струю холодной воды, а в висках тупо стучит, и сердце комком ртути тяжело ворочается под рёбрами. Тут мимо всего можно пройти равнодушно: измученному не до красот.

И я прошёл бы. но стало невольно, доконал проклятый подъём. И сбросил я свой чугунный рюкзак на берегу горного озера. Отдышавшись, бросился, конечно, ублажать тело: пить, мыться, прохлаждаться на ветерке. Тело умеет держать нас в узде. Только зазевайся, так всю жизнь к будешь только тем и занят, что ублажать его капризы. И станет твой разум на побегушках у живота.

Холодной водой не напьёшься, надо чай затевать. И тут на дымок

костерка моего свернул чёрный пастух, гнавший с водопоя отару овец. Овцы текли под уклон курчавой жёлтой рекой, огибая серье глыбы камней и нацеливаясь в зелёные лощинки.

Чёрный пастух в чёрной бурке и чёрной папахе с длинной ярлыгой в руках долго смотрел на меня и молчал, а потом вдруг спросил: «Что ты видишь такими белыми глазами?»

У пастуха был облик библейского мудреца, и я не ожидал от него такого глупого вопроса. Но в самом деле: глаза мои на обветренном и багровом от горного солнца лице казались вылинявшими и белыми. И черноглазому пастуху не верилось, что такими глазами можно что-то увидеть.

Мне самому стало уже интересно: а что я, в самом деле, увижу? В городах мы отвыкаем всматриваться. Картины торопливой и суетной жизни мелькают, как в окне скорого поезда: глаза б не глядели?

Напившись чаю, мы расстались друзьями. Пастух свистнул кудлатого пса с обрезанными ушами, запрыгал вниз к своему стаду, а я сел на камень и стал смотреть на озеро своими белыми глазами.

Озеро — зеркало. Тысячи раз сравнивали тихую чистую воду с зеркалом, а лучшего сравнения не придумать. Горы утонули в нём белыми вершинами вниз. Чайка летит над водой, а кажется, что летят две, брюшком к брюшку, нос к носу. Села чайка и стала смотреть сама на себя. Потом всплыла на отражённое белое облако и стала вдруг... чёрной! А на утонувшей чёрной горе снова вспыхнула, засветилась и забелела, как пёрышко. И за пёрышком потянулась по чёрному зеркалу сияющая солнечная царапинка.

У берега куличок стоит на непомерно длинных отражённых ногах. И тоже всматривается в себя, удивлённо касаясь кончиком клюва своего же отражённого носа.

Все всматриваются в себя: не просто же так?

Утром, когда мы чай пили, над водой курчавился полосами туман. Розовыми полосами, похожими на облака «кошачьи хвосты». И в этом розовом тонком тумане грубыми голосами хохотали белые чайки. Потом туман расплылся, рассеялся, лицо захолодил ветер, и на воде засверкали быстрые солнечные чешуйки. И мелкая рябь у каменистых берегов стала складываться из лиловых, голубых и зелёных пластинок. Складываться и рассыпаться.

В полдень на озеро стало невозможно смотреть: оно доверху насыпано солнечной сверкающей чешуёй! Всё полыхает, дробится, сверкает и переливается. Белым глазам и то больно!

Ласточки мелькают в этой солнечной кутерьме, черкают, воду белыми грудками. А им навстречу из сутолоки полыхающих волн выпрыгивают чёрные тонкие рыбки и щиплют ласточек за брюшко. И волны рукоплещут их весёлой игре мокрыми хлюпающими ладошками.

Вечером за горами вспыхнул и долго горел непонятный розовый свет. А потом из розового сложилась семицветная радуга во всё небо. Одним концом радуга оперлась на чёрные скалы, и скалы вдруг стали белыми. А другим концом уткнулась в травяной склон, и склон стал пронзительно-изумрудным. И было радостно, хоть за радугой и ворочались тяжёлые мрачные тучи.

Добрый словом помянул я чёрного пастуха: надоумил-таки меня остановиться и оглядеться.

И вот случайно встреченное озеро уже как старый добрый знакомый. А то мы всё бежим, скорей на вершину торопимся и ничего не замечаем вокруг. Скорее, скорее — вперёд и наверх! И приходим к цели измотанные, опустошённые, высунувши язык..

ОБЛАКА

Бешеный ветер срывает с ледяных горных вершин тучи летучего снега. Низкое солнце зажигает их золотым огнём. За каждым снеговым конусом лениво колышется холодное жёлтое пламя. Вершины вздымаются в небо, как гигантские белые свечи с золотыми лезвиями огня. И неистовый горный сквозняк раскачивает и клонит тяжёлое пламя...

Снизу к вершинам подбирается ночь. Долины залила тень — как чёрная вода. И тень эта поднимается выше и выше. Зато ярче и ярче разгораются свечи вершин, и жёлтое пламя летучих снегов колышется уже не на дневном голубом небе, а на вечернем — глубоком и синем, как океан. Горы горят...

С туманной равнины к горам накатывается белый прибой облаков. Странно смотреть на облака сверху. Пенистые гряды взволнованных облаков накатываются на горный кряж. Они затопили предгорья, вливаются

в заливы — ущелья, окружают невысокие вершины, превращая их в острова. Клубясь и дымясь, они упорно ползут всё выше и выше по склонам и, обессилев, откатываются назад. И тогда в зазор у чёрного кряжа видна сумрачная подоблачная глубина.

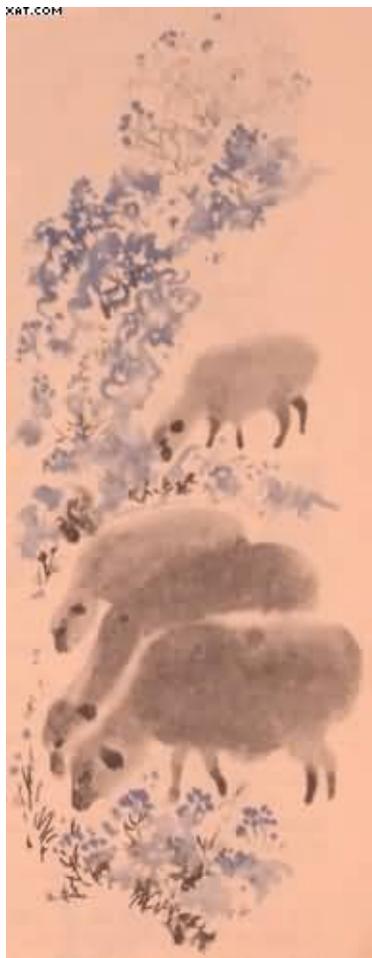
Прилив и отлив.

Багровое солнце — золотая летучая рыба — медленно падает в облачную пелену, окунается в неё с головой, и белое море пенистых облаков вдруг становится красным! Огненная рыба накалила облака докрасна! От чёрных гор до мутного горизонта красная зыбкая равнина. И теперь уже красные валы накатываются на крутые берега, красные заливы вклиниваются в ущелья, из красного моря торчат чёрные острова. И, протыкая его снизу вверх, словно играющие чёрные рыбы, взлетают из красных волн чёрные грифы. Спиралью завинчиваются они в густо-синее небо на неподвижных крыльях-ладонях с растопыренными пальцами, а потом тяжело машут ими, направляясь к «берегу» на ночлег.

Красное море колышется тише и тише и наконец засыпает, Тёплый живой его свет начинает потихонечку меркнуть. И вот уже снегом, морозом и льдом потянуло от потемневшей и посиневшей равнины. И уже это больше не море, а белая тундра в полярную ночь. Облачные сугробы и торосы, тёмные бездонные полыньи. Зимняя морозная ночь. Луна нестерпимо лазоревая и заиндевелая. Звёзды большущие и звонкие, как ледышки. Хвост Большой Медведицы увяз в облаках, как в снегу. Тишина. И только глубоко внизу, в подоблачной глубине, слышен нестихающий гул подоблачных водопадов.

Мы дышим на пальцы, и зелёный пар клубится у глаз, словно мы надуваем и никак не можем надуть зелёные резиновые шары. Сырые плащи на нас задубели, они скрежещут и громыхают, как кровельное железо. И на сгибах цинково светятся инеем, Сидеть и дрожать нам до самого рассвета. А утром солнце снова зажжёт снега вершин. Заколышутся на лету полотнища летучего огня. И день начнёт не спеша спускаться с вершин в долину.

БЕГСТВО ЦВЕТОВ

Долину у высокой снеговой горы за безводье назвали Мёртвой.

Мы пришли в долину в сумерках — ничего не успели разглядеть. А утром вдруг видим: по всей долине синие озёра в золотых берегах и холмы красных песков. Но глаза обманули нас. Не было в долине ни синих озёр, ни золотых песчаных берегов, ни красных холмов. Были цветы. В сырых впадинах синели незабудки. Они были такие яркие и такие синие, будто в них отразилось весеннее небо. Озёра незабудок окружали золотые лютики. А на сухих гривах горели маки. Маки были похожи на красные фонарики, зажжённые в зелёной траве. Их было много. Так много, что у нас начинало рябить в глазах и кружилась голова. Вот так мёртвая долина! Как хорошо!

— Плохо, — сказали чабаны. — Мёртвая долина. Скоро всё сгорит от жары. Овцам нечего будет есть.

— И цветы сгорят? — пожалели мы.

Чабан прищурился.

— Цветы уйдут.

— Как уйдут? Куда?

— Нас поведут на новые пастбища.

Шутник чабан. Нашёл проводников...

Прошло несколько дней.

И вдруг мы заметили, что цветы-то действительно пошли! Цветы стали подниматься в гору! Каждый день они поднимались всё выше и выше.

Цветы уходили из Мёртвой долины.

Цветы спешили!

Синими волнами вверх по сырým лоцинкам выплеснулись незабудки. По скатам лощин поднимались жёлтые лютики. Будто среди жёлтых песков бежали синие ручьи.

Маки поднимались по гребням отрожков.

Всё злее жгло солнце.

Всё выше и выше поднимались на гору цветы. Высокая гора. Первыми стали отставать незабудки. Они поднялись до верхних родничков и окружили их бирюзовыми колечками. Но лютики и маки поднимались ещё выше.

Ночи стояли душные, жаркие. За горами металась зарница.

Вершина горы из белой стала бурой — сошёл последний снег. Из бурой стала зелёной — покрылась травой. И наконец — золотой: это на самую вершину поднялись первые лютики. А скоро среди зелени и лютиков зажглись красные фонарики — на вершину вскарабкались маки!

Вслед за цветами и травой потянулись в горы и отары белых овец. Они, как курчавые весенние облака, ползли по горным склонам.

А внизу в долине всё сгорело. Долина стала мёртвой.

Но мы смотрели на горы и радовались: там, наверху, сочные травы, красные цветы — большие будут курдюки у овец, душистое будет овечье молоко.

КАМЕННЫЙ УРАГАН

Между высоченных скал-башен по крутым широким лощинам стекают вниз каменные реки — курумы. Издали они похожи на подтёки сырости на горной стене. А вблизи это мёртвое царство нагромождённых камней. Булыжная мостовая, вставшая на дыбы.

Тишина и покой. Изредка ящерка прощуршит. Лениво просвистит синий каменный дрозд. Осторожно пройдёт где-то вверху горный козёл. Его — серого на сером! — не разглядишь: просто посыплется сверху сдвинутые копытами звонкие плиточки щебня.

Посвистит ветер в тёмных провалах между камней, пошаркает о глыбу пучок жёстких, как проволока, засохших стеблей. И снова ни звука.

Камни в морщинах, трещинах, лунках. Это приметы работы жары и мороза, ветра и ливня. Но есть и посвежее следы: на многих глыбах свежие сколы и выщерблины, светлые царапины-борозды. Камни двигались! Не

такое уж это, выходит, мёртвое и неподвижное царство, каким оно хочет казаться.

Так и есть! Вслушайтесь — камни шепчутся! Всё время вокруг что-то постукивает, поскрипывает, побряхтывает и вздыхает. Камни шевелятся! Наклоняются, сосовываются, сползают и падают. Курум — каменная река — всё время течёт. Исподволь, медленно, чуть заметно, но непрерывно.

Ну да: над облаками ведь летом дни жаркие, а ночи холодные. Глыбы то расширяются, увеличиваются от нагрева, то сжимаются, уменьшаются от мороза. Днём и ночью то сами толкают и сдвигают соседей, то соседи спихивают и опрокидывают их. Скрежещут, сдвигаясь, огромные глыбы, шуршит текучий песок. Поскрипывает плитняк, цокает гравий, глухо стучат, переваливаясь, обломки.

Тревожно и неудобно от этого непрерывного шевеления и шёпота каменных глыб. словно камни сговариваются и к чему-то готовятся. Так перед сильной грозой приглушённо рокочет в отдалении гром...

Ураган обрушивается всегда неожиданно. Каменный ураган!

Дрогнет земля, выплеснется из ущелья волна ветра. Гул и пыль поплывут и закрубятся над склоном. Глыбы камней, прыгая и сшибаясь, обрушатся вниз, как обезумевшее стадо горных козлов. Грохочущий каменный водопад!

С нарастающим рёвом катятся, кувыркаясь, большущие глыбищи — «чемоданы». Грохнув с разгона в боковую скалу, они взрываются и разлетаются в брызги. Плоские плиты то катятся колесом на ребре, перескакивая, как бегуны, через все препятствия, то ковыляют, переваливаясь и роя землю. Или скользят плашмя, бороздя и уродуя склон.

Дерево — в щепы, кусты — в лохмотья, бугор — в клочья!

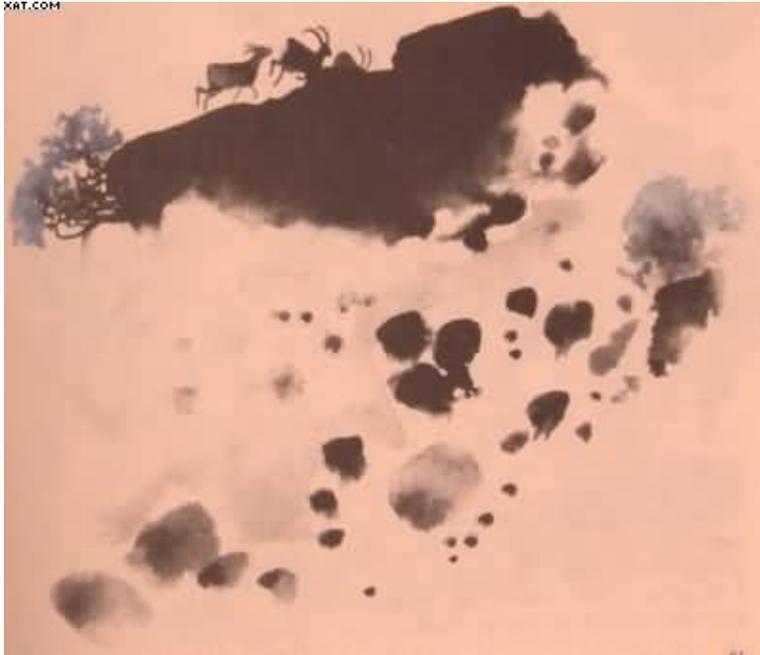
Ущелье гудит, и клубы жёлтой пыли скрывают склоны. Но и в пыли, как сквозь густой жёлтый туман, видны грозные тени прыгающих глыб и камней.

От непрерывного грохотания глыб и тонкого — до визга! — свиста летящих мелких камней всё невольно замирает внутри и голова вжимается в плечи.

Ураган отбушевал так же внезапно, как и начался. Но, как после всякого урагана, горы долго не могли успокоиться, Замирало в соседних ущельях эхо грохота, клубилась над осыпью лёгкая летучая пыль. Однако то камень, то целая глыба вдруг оживали снова, катились или сползал и, пиная и расталкивая соседей. Пласты снега почернели от пыли. Одежда стала седой, и на зубах скрипел песок...

А как здорово камнепад видится ночью! Особенно издали, лучше

всего с противоположного склона.

В непроглядной темноте вдруг начинают вспыхивать и искриться огни, словно зажгли там гигантскую свечу бенгальского огня! Значит, запрыгали вниз по осыпи камни, высекая яркие звёзды. Звёздный Млечный Путь с неба на землю!

И уж потом, когда склон отыскрит и погаснет, долетит издали дробный гул сорвавшихся камней. И пахнёт в лицо сухой пылью.

А бывает, каменные ураганы начинают гореть и грохотать так близко, что земля дрожит и дёргается под ногами. И снова всё внутри замирает, и голова вжимается в плечи.

ГРОЗА В ГОРАХ

Гроза грохотала у самых ног. Сколько раз я видел это в горах, а всё никак не привыкну, что и гром, и молнии не высоко над головой, как им положено, а глубоко внизу, под ногами...

Странно смотреть на тучи сверху.

Тучи чёрные, дымные залили ущелья доверху и сердито клубятся в них и ворочаются, тяжело накатываясь на склоны. И вдруг начинают мерцать изнутри, как мерцает густой городской туман от зелёных вспышек троллейбуса! Только мощно, грозно, таинственно и жутковато. Это в подножных тучах мечутся подножные молнии. И сейчас же рождается гул. Гул и рокот заполняют ущелье, вздрагивает земля — словно водопады каменных глыб обрушиваются в темноту. Это грохочет подножный гром.

Где-то там, глубоко-глубоко внизу, сейчас хлещет дождь. Подножный дождь...

А у нас над головой чистое синее небо?

Тучи набухли грозой. То вздуваясь, то опадая— словно дыша! — они упорно ползут по склонам вверх.

Гигантский клубящийся осьминог вползает на склоны, вытягивая вперёд по промоинам и лощинам змеящиеся жадные щупальца. И вот уже всё вокруг начинает темнеть и тонет в сырой и промозглой тягучей мгле.

Грозовая туча нахлынула на нас и утопила. Всё стало седым от бисера капель.

Я провожу ладонью по ворсу куртки и стряхиваю с неё целую пригоршню холодной росы. Роса на бровях и ресницах. Лицо стянула ледяная гусиная кожа. Мокрая щека ощущает плывущий туман, как будто бы по лицу тянется мокрая паутина.

Темно и сыро, словно в промозгом склепе. Впереди тяжёлый сгусток расплывчатой темноты, он, как мохнатый медведь, вразвалку движется по тропе нам навстречу. Вот коснулся «медведь» взъерошенным боком угловатой чёрной скалы, и белый взблеск яростного огня полоснул по глазам. Грохот вдавил перепонки в ушах. Кони с визгом вскинулись на дыбы, захрипели, замотали гривами, выкатывая белки глаз. Сладкий ужас защекотал в груди. Мы попадали с сёдел и, вцепившись в поводья, поволоклись, сдерживая обалдевших коней. Разбитая молнией скала развалилась на глыбы, и глыбы, прыгая и грохоча, обрушились вниз.

И вот снова тишина и темнота. Обалдело сидим мы на мокрых камнях, кони нервно топчутся и сопят. Мы в самой утробе грозы.

Что это? — глухо говорит кто-то.

На остриях прислонённых к камням ледорубов светятся голубые огни! Какие-то неживые, нездешние — словно голубые лезвия стальных копий. Волосы у нас поднимаются дыбом — нет, не от страха! — а просто так. ни с того ни с сего. И вот от этого становится по-настоящему страшно.

Я пытаюсь пригладить их, но торчащие волосы стрекочут, словно кузнечики! Сейчас же вновь выпрямляются из-под ладони. к по ним мечутся искры! И в пальцы покалывает, как иглой. И над головой возникает сияние. Я вытягиваю руку вверх, и пальцы начинают светиться, словно я держу в руке голубой факел.

Мы насквозь пропитаны молнией. Вот-вот взорвёмся, осветив холодным светом мутный туман. И сладко и страшно. И дух захватывает от красоты неиспытанного и неизведанного.

ПРИВИДЕНИЯ

Ночью разбудил гром. Так над палаткой рвануло, словно разодрало её пополам! Так полыхнуло, что глазам стало больно даже сквозь закрытые веки. И сразу обрушился водопад ливня, будто вытряхнули на палатку мешок гороха.

Началось!

Палатка освещалась и гасла. Кто-то огромный, сопя и ворочаясь, чиркал над ней гигантскими спичками, они у него вспыхивали и тут же гасли. И он в ярости грохотал кулаками и то пинал палатку ногой, то надувал её, как резиновый шарик.

Но мы не зря забивали колья и обкладывали палатку камнями: грозный верзила ничего не мог с ней поделаться.

Скоро он и сам это понял и отступился.

Брезент напрягся от ветра, и я всем телом чувствовал, как до дрожи натягиваются оттяжки. Я даже жмурился: вот-вот оттяжки лопнут со звоном, мокро хлестнут по брезенту, палатку ветер закрутит жгутом, сдёрнет и поволочит.

Гроза побесновалась, повыла, погрохотала и сникла. Стала уходить, стихать, отдаляться и скоро полыхала и рокотала уже за дальним чёрным гребнем хребта. Теперь уже там кто-то, прикрываясь от ветра, чиркал и чиркал гигантские спички, а они никак у него не загорались: вспыхивали и гасли.

И дождь уже не сыпал горохом, — а сонно шептал. Пошептал, пошептал и умолк.

Стало тихо, сыро и холодно.

Я высунулся в чёрную промозглую ночь. И первое, что увидел, — белые привидения!

В мутном хаосе темноты, сгустков теней и пятен неслышно и невесомо двигались белые медленные фигуры. Длинные их складчатые рубахи волочились по склонам, а седые длинные волосы, как у утопленников, стояли дыбом и колыхались.

Привидения плыли над травами, потерянно бродили между чёрных кустов и деревьев, то сходились, то расходились. Встречались парами, водили беззвучно хороводы.

Им ничего не стоило, воздев костлявые руки и размахивая широкими рукавами, перелететь через зияющее чернотой ущелье, Или вползти вверх

по гладкой отвесной скале. Они вдруг чернели, когда пытались спрятать под свой балахон луну, и становились зелёными, когда наконец сползали с неё.

Привидения были всюду. Диковинными ночными птицами сидели они на кустах. Лохматыми зверями выглядывали из-за камней. Одно застряло в чёрных сучках сухого дерева. А одно, как собака, свернулось калачиком у самой палатки.

...Белые клочья и космы тумана. Лохмотья рассеянных ветром туч только что грохотавшей грозы.

НА ВЫБОР!

У каждого месяца свои прелести. Март хорош сиянием снегов, настом, синими тенями. Апрель — рыжими проталинами, май — цветами.

Долго приходится ждать свой любимый месяц. А проходит он — не успеешь и оглянуться! И опять жди целый год!..

Жди... или поднимись в горы! Там сразу все месяцы на выбор. На любой вкус.

Полыхает между скал фирновый снег. Смотреть на него больно, а тени от скал синие-синие. Там сейчас март. А рядом, чуть пониже, — апрель. Пятна снега, рыжие проталины, первые закорючки травы. Ещё ниже, на горных лугах — май. Сочная зелень, гудение пчёл, цветы. Порхают бабочки. Хотите июнь? Пожалуйста, июнь. Спускайтесь с лугов в горный лес.

Там уже каштаны цветут, черешня поспела. Ну, а если нравится больше зима? Тогда карабкайтесь снова наверх: мимо лугов, выше скал — к самым вершинам, Там позёмка метёт, сыплет снег. Играйте в снежки на здоровье.

И это ещё не всё! Любимый свой месяц вы можете растянуть на целых три. А иной и на полгода. И даже на год! Можете год побыть в декабре, январе, феврале и марте. Полгода — в апреле. И по три месяца — в любом месяце лета. Я сам так жил — очень здорово,

И знаю, и видел, и жил, а не перестаю удивляться. И, поднимаясь в горы, непременно приглядываюсь: там вон апрель, а там июнь. Там март, а там июль. Весь год перед глазами.

ЗИМНЕЕ ЛЕТО

Заплутал я в горах. Поднялся тогда на вершину, стал осматриваться: может, человека увижу или хоть дым костра. Долго вглядывался из-под ладони и увидел: идёт далеко внизу по снежному хребтику человек — как чёрная муха по бумаге ползёт. Ружья за плечами не видно, это хорошо, а то охотник ещё дальше заведёт в горы. Наверное, мужичок-лесовичок: дранкокол либо углежог. Такой выведет на дорогу, сам к дому идёт. Но надо спешить! Лежит поперёк хребта, прямо на пути человечка, огромное белое облако. И человечек вот-вот войдёт в облако, утонет в нём и скроется с глаз. Ищи его там!

Приметил я снежный хребтик с человечком и запрыгал по склону вниз, бороздя снег. Но не успел: лесовик вошёл в облако.

А, не беда — куда ему деться? По снегу идёт, оставляет след. По следу найду, недолго ему одному в облаках витать!

Вошёл и я в облако — как в воду нырнул. Муть вокруг, сыро, холодно, ничего не видно. Одни сапоги свои вижу да сырой снег. Иду, иду, а следов нет. Странно: ведь человек точно тут проходил.

Пошёл я назад по своим же следам, Сотню шагов прошёл — и мои следы кончились! Чертовщина какая-то: вот тут ещё следы есть, а чуть дальше уже нет... А я ведь по снегу сюда пришёл, а не с воздуха сел!

Закружил я. А а горах кружить — хуже нет. Ничего не понять теперь: откуда пришёл, куда идти надо? Снег под ногами. Непроглядный туман вокруг. Стволы деревьев как мутные кляксы, а вершин и не видно. Завёл лесовичок...

Сел я на валежину, привалился спиной к стволу. Лучше сидеть и ждать, когда облако сползёт с хребтика и уплывёт дальше, чем вслепую кружить. Закрыв глаза, жду. Долго сидел, уж и замерзать стал, а облако не спешило. Туман, как мокрая паутина, тянулся и волочился по щекам и по шее, и озноб уже просочился к бокам. Вдруг чувствую: разом вокруг потеплело и даже сквозь закрытые веки просиял жёлтый свет. Солнце!

Открываю глаза и скорей закрываю: снится мне, что ли? Осторожно открываю один глаз — чудеса! Под ногами сугробы снега, а над головой шумят яркие зелёные листья!

Облако сползло с хребта и висит рядом, словно дирижабль из белого шёлка. Солнце сияет, ветер как из брандспойта бьёт холодной струёй. Это ожидаемо, а вот бушует над головой зелёный трепетный неожиданный лиственный океан! Снег и зелёный лес!

В зелёных волнах листвы мечутся стайки солнечных рыб— блики. А ещё выше, над всей этой суматохой зелёной, синее летнее небо. Вот таким, наверное, видит мир птенец, как только выклюнется из яйца: всё неожиданно и непонятно. Уж не облако ли высидело это чудо?

Смотрю под ноги — зима зимой. Снег, сугробы, синие тени. Вверх подниму лицо — лето. Синее небо, зелёные листья. В листьях свистят жёлтые иволги — летние птицы. Под ногами зима, над головой лето, а по календарю месяц май — весна!

Ноги на снегу мёрзнут, а плечи солнце жжёт. Раздеваюсь до пояса, складываю лишнюю одежку в рюкзак. А из рюкзака достаю запасные носки и надеваю на ноги. Сажу в летне-зимнем лесу в зимне-летней одежде.

Дремучие снега кругом и... мёдом пахнет!

Секутся по снегу синие тени от зелёных листьев. Над снегом порхает бабочка: белую на белом не видно — порхает одна тень голубенькая. Внизу, под деревьями на снегу, северные птички-синички подбирают обмёрзших

мух и комаров, а вверху, над зеленью густых вершин, летят южные птицы — золотистые щурки. Щёлкают на лету клювами — ловят пчел.

Зимняя тишина и шум лета. И от зимы до лета рукой достать! Я и достал: отломил зелёную ветку бука и оббил ею, как веником, свои засыпанные снегом ботинки. А всё не верю глазам: пощупал листья, понюхал — настоящие! Куда лесовик завёл!

Так бы па валежине и сидел, но и домой надо. Иду и дивлюсь: полсотни шагов пройду, оглянусь, а там, где стоял только что, нет уже моих следов! Солнце на глазах стирает следы, тянется позади коротенький следовый хвостик. Вот так, наверное, и лесовик от меня по снегу ушёл вместе со своими следами.

Но недалеко он ушёл. Оказалось, как и я, он тоже сидел в облаке и ждал погоды. Вижу, ходит под деревом старичок, задрал бородёнку вверх, и что-то высматривает.

— Здравствуйте! — говорю. — Летом любуетесь?

— Чайник я, — отвечает, — ищу! Здравствуйте! Да вот он, клятый, и есть! — обрадовался старичок.

На тёмном еловом стволе светлый затёс, под ним на сучке чайник. И ничего бы в том не было, да только затёс и чайник... на высоте двухэтажного дома! Как такой старикашка дотянулся туда?

Внимательно поглядел я на старичка: дурачит меня, что ли? На вид серьёзный, не балабон: дранкокол или углежог. А старичок как ни в чём не бывало:

— Я ещё зимой тут прошёл, ёлки метил на дранку. Чай кипятил да забыл на сучке чайник.

И только я спросить хотел, как же, мол, ты, мил человек, до того сучка дотянулся, если росту в тебе аршин, как сам всё понял. Все чудеса — из снега!

Намело его за зиму под гребнем хребта в полдерева. Тогда старичок по хребту и прошёл — ёлки пометил. Тогда и чайник свой закопчённый повесил на сучок. Как положено, на высоте своего роста. Но пришла весна — и начал снег оседать. Деревья из-под снега так вверх и полезли. И меченая дедова ёлка полезла. И чайник с собой подняла.

Южное солнце печёт — не шутит. Набухли на ветвях почки, потом почки лопнули. И вылупились из них, как из коконов, зелёные бабочки-листья. Расправили на солнце нежные крылья и зашумели на весеннем ветру. Птицы прилетели — запели. Лето сверху пришло. А понизу зима ещё. Снег. Уж больно много его намело за зиму. Южному солнцу и то не справиться.

Настоящее лето придёт растает! — махнул рукой старичок. Не впервой!

И пошли мыс ним по зарубкам к дому. По белу снегу под зелёными деревьями. Дул в лицо тёплый ветер. Это навстречу нам из долины поднималось настоящее лето. Конечно, оно снег растопит. А жаль! Придётся ли ещё раз увидеть лето зимой?

